

Ольга Ларгуз

ДОЛГОЕ
Эхо **ЛЮБВИ**

Ольга Ларгуз

Долгое эхо любви

<https://litres.ru/74320378>

Аннотация

Иногда нужно вовремя посмотреть в нужную сторону, чтобы твоя жизнь разделилась на «до» и «после». Я опаздываю, спешу, влетаю в зал и сразу нахожу столик, за которым меня уже ждут. – Машка, ты чего такая взъерошенная и глаза бешеные? – нервно елозит на мягком стуле Лена, а Катюша не сводит с меня пристального взгляда. – Давай, колись быстрее, что случилось?! Такое ощущение, что ты сейчас начнешь биться током. Она почти угадала: я и впрямь готова биться, только не током, а головой о стену, потому что в моей жизни случилась катастрофа. Эти двое, сидящее напротив за столиком в роскошном ресторане, мои подруги. Хотя нет, они – нечто большее, мои сестры, но не по крови, а по жизни. Я бросаю сумочку на белоснежную скатерть, из открытого кармана вылетает смартфон, стоящий на беззвучном режиме. Экран пульсирует вызовом. Любимый.

– Не примешь?

Я отрицательно качаю головой и возвращаю гаджет на место, установив режим «авиа». Кажется, подруга начинает о чем-то догадываться, в ее серых глазах проскакивает колючая искра озарения. – Катя, мне понадобится твоя консультация. – Не мо-о-о-жет бы-ы-ыть, – нараспев выдыхает адвокат

Екатерина Сергеевна Ульянова. – Вот только не говори, что твой благоверный... – Не буду, – перебиваю и поднимаю руку, привлекая внимание официанта. – Обойдемся без подробностей, просто знайте, что с этого дня голуби разлетаются в разные стороны. Голуби – это мы. Я – Мария, мой муж – Яков, а еще Кирилл и Жанна – наши дети. Мы – Голубевы.

В истории есть: сильная героиня измена и море эмоций встреча через время взрослые дети ХЭ для достойных

Роман выходит в рамках литмоба "Истории мостов любви".

Содержание

Вдохновение	6
Пролог	8
Нож в сердце	11
Мост Любви	16
Шаг в пропасть	21
Несвободное падение	29
Отцы и дети	34
Ночные разговоры	40
Начать с нуля	48
Визуалы главных персонажей	56
Да будет тьма!	58
Моя попытка номер...	66
Первая кровь	73
Не совсем нормальный	80
Визуалы Жанны и Кирилла	86
Не ждите чуда, чудите сами	88
Первая ложь	95
Визуал семьи Нестеровых	103
Она сама...	105
Призраки во "Тьме"	111
Поговорим о том, о сём...	120
Клетка	127
Компромисс	135

Второй	142
Все тайное становится...	151
Эхо любви	160
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Вдохновение

Эхо улицы ночной
Это тихий голос твой.
Дрогнут тени на стене
Может, ты придёшь ко мне.
Встанешь тихо у огня,
Спросишь: «Любишь ли меня?»
Только промолчу в ответ,
Словно и ответа нет.
Но не моя вина
В том, что
У любви наши имена.
В том, что
У неё шаги твои,
Руки твои и твои глаза.
У моей любви
На щеке слеза,
У моей любви прощальный бал
В сумерках зал.
Слышу музыку без слов,
Знаю: это не любовь.
Просто ты летишь на свет
Через память прошлых лет.

Сядешь тихо у огня,
Скажешь: «Ты прости меня»
Снова промолчу в ответ,
Словно и ответа нет.

/ "Любви прощальный бал". Автор слов: Владимир Нек-
ляев/

Пролог

Все персонажи, события и локации – вымысел автора, все совпадения с реальностью случайны.

Иногда нужно вовремя посмотреть в нужную сторону, чтобы твоя жизнь разделилась на «до» и «после».

Мне «повезло», я оказалась в нужном месте в нужное время, а сейчас опаздываю, спешу, влетаю в зал и сразу нахожу столик, за которым меня уже ждут.

– Машка, ты чего такая взъерошенная и глаза бешеные? – нервно елозит на мягком стуле Лена, а Катюша не сводит с меня пристального взгляда. – Давай, колись быстрее, что случилось?! Такое ощущение, что ты сейчас начнешь биться током.

Она почти угадала: я и впрямь готова биться, только не током, а головой о стену, потому что в моей жизни случилась катастрофа.

Эти двое, сидящее напротив за столиком в роскошном ресторане, мои подруги. Хотя нет, они – нечто большее, мои сестры, но не по крови, а по жизни. Я бросаю сумочку на белоснежную скатерть, из открытого кармана вылетает смартфон, стоящий на беззвучном режиме. Экран пульсирует вызовом.

Любимый.

Одно за другим прилетают короткие и длинные послания,

голосовые сообщения.

– Не хочешь общаться? Даже не прочитаешь? Не слушаешь?

Я отрицательно качаю головой и возвращаю гаджет на место, установив режим «авиа».

Кажется, Катя начинает о чем-то догадываться, в ее серых глазах проскакивает колючая искра озарения.

– Кать, мне понадобится твоя консультация.

– Не может быть, – нараспев выдыхает подруга-адвокат. – Вот только не говори, что твой Яшка...

– Не буду, – перебиваю и поднимаю руку, привлекая внимание официанта. – Обойдемся без подробностей, просто знайте, что с этого дня голуби разлетаются в разные стороны.

Голуби – это мы.

Я – Мария, мой муж – Яков, а еще Кирилл и Жанна – наши дети. Мы – Голубевы.

Мы начинаем путешествие с новыми героями

в ЛитМобе "Истории Мостов Любви".

https://litnet.com/shrt/d_Zq

Не забывайте подарить роману звездочку, добавить в библиотеку, чтобы быть в курсе выхода новых глав.

Пристегнитесь, мы взлетаем! ##

Нож в сердце

Снимаю режим «авиа» и отправляю номер мужа в черный список: у меня есть дети, а для них мама всегда должна быть на связи.

Боже, Жанне всего девятнадцать, а Киру – четырнадцать! Самый сложный возраст! Как я скажу им, что отец променял семью на блондинистую дрянь? Яшка всегда был для сына образцом настоящего мужчины, главы семьи и скоро идеал окажется сброшен с пьедестала, а дочка называла папу самым лучшим на свете, а теперь...

Больно как... в груди печет. Ладно, я подумаю об этом позже.

Аленка следит за моими манипуляциями, а когда я откладываю смартфон в сторону – протягивает меню.

– Закажи себе большой кусок мяса, Маш, утоли жажду крови. Можно взять тартар, тоже сгодится. В любом случае, тебе нужно подкрепиться.

Меня уже не трясет, просто внутри образовалась огромная черная воронка. Она ширится, набирает мощь. Боюсь, что она затянет меня целиком, а потом схлопнется в точку, и Мария Голубева исчезнет с лица земли.

Тяжело.

Мое спасение – это они, девчонки, с которыми я пережила боль падения и поделила триумф от взлетов.

Делаю заказ – тартар из тунца с авокадо и чашку капучино, в ответ Катюша вопросительно поднимает бровь, но я мотаю головой.

– Мне сейчас к вину лучше не прикасаться: разматает, как тряпку, к тому же я за рулем.

– Ладно, – соглашается Лена и сплетает в замок тонкие артистичные пальцы. – У нас есть время, пока готовят еду, так что не теряй его даром. Машунь, наши уши в твоём распоряжении...

– И жилетки тоже, – добавляет Катя, придвигая стул поближе. – Жги, подруга, мы рядом.

Я прикрываю глаза и вспоминаю, как закончила работу и выехала на встречу к девчонкам. Вот я стою на светофоре в крайнем левом ряду, по салону паркетника стелется туман джазовой композиции.

– Как часовой механизм бомбы, – проскакивает в голове дурная мысль, когда слух фокусируется на тикающем звуке: я всегда включаю поворотник заблаговременно, – скоро рванет.

– Это называется интуиция, Маш, – шепчет Катя и наклоняется вперед, чтобы слышать каждое слово. – Я всегда говорила, что у тебя чуйка, как у зверя.

– Оно и рвануло, – отвечаю, принимая комплимент. – Прикинь, стою на перекрестке почти минуту. Делать нечего, кручу головой, разглядываю соседей. Смотрю вправо и вижу через одну полосу Яшкин внедорожник... Его было хорошо

видно, потому что между нами оказался седан, который совсем не закрывал обзор.

– И что?

– А то, что рядом с ним сидит какая-то блонда, Катя. И она не просто сидит, а отстегивает ремень безопасности и лезет к нему с поцелуем, а он... – набираю воздуха в грудь и выдаю на одном дыхании, – а он отвечает, и не просто чмокает ее в щечку, а трахает ее рот своим языком! Катя, он ее жрал, как голодный крокодил – антилопу, как будто мужик месяц без секса сидел! Я думала, что блонда прямо на глазах у всех его оседлает, но загорелся зеленый и Голубеву начали сигналить. Я рванула налево, а он спохватился, вернул блондинку на место и повернул направо, на проспект Мира.

Пока я перевожу дыхание и запиваю душевную боль водой – спойлер: не помогает – подружки молча переглядываются.

– Я правильно понимаю, что он тебя не заметил? – уточняет Лена.

– Угу.

– А это тогда откуда? – Катя подхватывает мысль подружки и кивает в сторону смартфона, припоминая лавину входящих.

– Я не выдержала и написала ему, – ловлю укоризненный взгляд опытного адвоката и взрываюсь от избытка эмоций. – Ну извини, Катюш, я не сдержалась, черкнула пару строк! Написала, что секс за рулем – опасное развлечение даже для опытного водителя! Добавила, что его-то я похороню, стан-

цию на могилке и спою на поминках, а белобрысую шмару просто оставляю валяться на обочине, чтобы с ней разобрались бродячие собаки и крысы!

Говорю и сама ужасаюсь, какие слова вылетают из моего рта. Господи, куда делась правильная Маша Голубева?! Откуда на ее месте появилась эта хабалка? Мне так больно и эта боль пробуждает во мне что-то звериное, первобытное, опасное.

Кажется, что наш столик окружает невидимый звуконепроницаемый купол, за пределами которого шумит жизнь, звенят бокалы и смех, а здесь царит тишина. В голове – гул, аж уши закладывает, в горле – сушь, в груди – пепел и тьма.

Я словно пустая оболочка, оставшаяся от себя прежней.

– Пф-ф-ф! – сердито выдыхает Катя-адвокат, и в мой мир снова возвращаются звуки. – Короче, ты сдала себя с потрохами, и твой неверный уже готовится к сражению!

– Да что там готовиться, Кать?! У нас все расписано в брачном контракте. Двухуровневая квартира, в которой мы сейчас живем – моя, Яшке отходит трешка в центре. Каждый остается при своей машине и при бизнесе. Дача принадлежит нам обоим, так что, вероятнее всего, будет выставляться на продажу, или Голубев выкупит мою долю. Другой вариант, что он едва ли отпустит меня подобру-поздорову, а начнет мотать нервы. У нас совершеннолетние дети, но думаю, что все равно разводиться придется через суд. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, – выдаю обреченно и радуюсь появлению

официанта.

Стучу по столу, даже нахожу силы на слабую улыбку.

Мы подписали брачный контракт пять лет назад, когда бизнес – мой и мужа – начал приносить стабильный доход. Конечно, в тот момент я не думала о разводе, это было обычное решение пары, достигшей определенного уровня благосостояния. Стандартная процедура, да. Кто бы знал, что ружье, висящее на стене, однажды пригодится?!

Мост Любви

У меня есть хороший повод, чтобы помолчать хотя бы несколько минут. Еда не лезет в горло, но я тщательно пережевываю кусочки тунца и пытаюсь насладиться вкусом блюда. Не получается, но надо. Ради детей, ради себя я не имею право развалиться на части.

Предательство разрушает, лишает сил, делает человека слабым, но я не могу позволить себе эту роскошь – лечь и страдать. Сейчас мир двух детей будет держаться только на мне, на женщине, которой предательство мужа сломало хребет и выжгло душу.

Жанна в последнее время постоянно твердит об одном парне по имени Артур, с которым у нее любовь. Первая настоящая любовь в девятнадцать лет. Робкая, чистая и наивная, наполненная страстью и эмоциями. С ней нам еще предстоит разобраться, и я почему-то чувствую, что просто не будет: слишком уж моя девочка увлеклась этим незнакомцем. Да она и не бывает легкой и безоблачной, та самая первая – что б ее! – любовь.

Боже, дай мне мудрости, сил и терпения!

Кирилл пропадает в своей секции, готовится к выступлению в командных и индивидуальных соревнованиях по фехтованию на рапирах, которые начнутся через пять дней. Я обязательно буду сидеть на трибуне и переживать за своего

сына.

Это будет позже, а сейчас... Сейчас я стою на пепелище нашей семьи и думаю, как жить дальше.

– Катюша, если все-таки придется разводиться через суд, возьмешься за процесс? Я подпишу тебе доверенность на представительство интересов.

Боже, мой голос звучит так жалко, что аж стыдно становится! Хлопаю себя по щекам, делаю глоток воды, откашливаюсь.

– Конечно, возьмусь! – Екатерина Ульянова расправляет плечи, гордо задирает подбородок и сверкает взглядом. – Сделаем все так быстро, что ты устать не успеешь. Дети совершеннолетние, их мнение по вопросу проживания будет учитываться в суде, вопрос с имуществом закрыт через брачный контракт. Не ломай крылья, голубка, не теряй перышки! Мы справимся!

– Спасибо.

Катя и Лена отвлекают мое внимание легкими темами. Мы обсуждаем визит на субботнюю выставку, на которую собрались прийти дружной толпой, затем подруги снова заманивают меня слетать к морю и поваляться на пляже, но я отказываюсь: сейчас не до этого. У меня и так земля под ногами горит, какой тут пляж?

Посиделки подходят к концу. Мы выходим на крыльцо ресторана и обнимаемся. Начало лета, жители столицы наслаждаются прекрасной погодой и мягкими лучами предзакат-

ного солнца.

– Ну что, по домам?

Слова вдруг успокаивают. Ладно, с этим все понятно, идем дальше. Идем туда, где будет больно и неприятно, где мне придется смотреть в глаза предателя и не сорваться в истерику на глазах у детей. Дышать, Маша! Не забываем дышать! Миллионы преданных женщин пережили этот момент, и ты тоже сможешь и пойдешь дальше с гордо поднятой головой.

– Да, по домам.

– Маш, может тебя подвезти, а машину потом заберешь? – Лена рассматривает меня так внимательно, как хирург – пациента, которому сейчас что-то отрежет. – Уверена, что сама доберешься? Может тебе не надо в таком состоянии садиться за руль, м?

– Спасибо, Лен, я справлюсь. Правда. Я почти в порядке. Вон, смотри, даже руки не дрожат.

В качестве подтверждения слов вытягиваю лапки и шевелю пальчиками, скрывая мелкий тремор.

Мы обнимаемся, целуемся и расходимся по парковке, каждая в сторону своего авто. Я уже почти на месте, но резко меняю направление и иду в другую сторону, к маленькой речке.

Не хочу домой. Мне нужно время, чтобы собрать себя в кучу, и ноги сами несут меня к мосту...

В каждом городе, если знать, куда смотреть, есть особен-

ный мост. Он — не самый большой и не самый старый, но он — самый терпеливый.

Его зовут Мостом Поцелуев, Мостом Встреч, а иногда просто — Тихим Мостом.

Этот мост не из камня или железа, он из тихого вздоха, первого взгляда и обещания, произнесённого шёпотом. Он существует для одной-единственной магии: соединять сердца, которым суждено быть вместе.

Если любовь настоящая, подлинная, то какие бы дороги ни развели двух людей, однажды они снова приведут их к этому мосту. Они придут из разных концов города, земли, жизни. И в тот миг, когда они встретятся на его середине, под сводами из ветра и звёзд, все часы мира на мгновение остановятся. Ветер, вечный страж моста, затихнет, чтобы донести до них лёгкий звон — мелодичный, как апрельская капель. Это не колокольчик. Это поют Замки моста Поцелуев.

Их вешают на его перила влюблённые, чтобы никогда больше не расставаться. Замок с одним ключом на двоих. Заглянув друг другу в глаза, они вместе бросают этот ключ в синие воды реки, что течёт вниз, чтобы больше никогда не разлучиться.

Эти мосты есть везде. Каждый из них хранит свои истории любви. Каждый замок — история. История первой встречи, разлуки, предательства, боли, прощения, долгого ожидания, радостного воссоединения и тихого счастья, что длится годами.

По вечерам, когда зажигаются фонари, а тени становятся длинными, можно услышать, как мосты тихо перешёптываются друг с другом. Они делятся историями, которые им доверили. И в этом шёпоте, в лёгком звоне замков живёт уверенность: пока есть такие мосты и такие замки — настоящая любовь не заблудится на дорогах мира. Она всегда найдёт дорогу, которая приведёт её на этот мост, под звёзды, на встречу, которую само время обещало исполнить.

Но иногда люди разрушают их. Предательством, подлостью, изменами. И мосты исчезают, разводя людей, казалось бы, навсегда. Проходит время, и что-то случается: встреча, взгляд, воспоминание. И разрушенные мосты снова восстают. Они поднимаются из пепла, из слёз, из обид и расставаний, ведь у любви должен быть второй шанс.

Я расскажу вам одну из таких историй. Одну из тысячи тысяч.

Свою историю.

Шаг в пропасть

Я стою на мосту, где мы впервые встретились с Яковом, и смотрю на воду. Медитативное занятие должно успокаивать, но мысли то и дело возвращаются к событиям этого дня.

Не верится. До сих пор не верится, что мой муж мог так поступить, но я видела это собственными глазами и, как бы ни страдала душа, от факта измены уже никуда не спрятаться.

От тяжких дум отвлекают веселые громкие голоса и музыка: к мосту приближается очередная свадьба. Смех, гам, белоснежное платье невесты, нарядный жених, улыбки и поцелуи, слова клятвы.

Вместе и навсегда. Ох, если бы!

Медленно отступаю, освобождаю дорогу молодости и оптимизму, при этом чувствую себя старым трухлявым пнем, а ведь мне всего тридцать пять!

Тем временем муж и жена – их новенькие обручальные кольца ярко сверкают в мягком свете вечернего солнца – вместе вешают свой замок на свободное место, защелкивают дужку и выбрасывают ключ в реку.

Бульк!

Вместе и навсегда, чтобы его!

Где-то на глубине лежит и наш с Яковом ключ, покрытый ржавчиной и заросший илом, а сам замок уже давно спилили

и выкинули на свалку коммунальных служб: свадеб много, места для всех не хватает. Этот мост – тоже обманка, здесь нет «навсегда». Как только заканчивается место для нового счастья, старое срезают и утилизируют. Да, вот такой оксюморон: навсегда на ограниченный срок.

Однако все, погрузила и хватит!

Я отвожу взгляд от счастливых жениха и невесты и возвращаюсь к машине. Паркетник разблокирует двери, жар разогретого солнцем салона пышет в лицо. Уф! Мой личный филиал ада. Нажимаю кнопку запуска двигателя, кондиционер шумит, перекрывая звуки джаза, дарит живительную прохладу.

– Нам надо поговорить. Может Яков все объяснит, – твержу, как заведенная, отбивая по рулю простенький ритм.

Знаю, что веду себя как дура, как идиотка. Знаю, что увиденный поцелуй не имеет второй трактовки, и у предательства нет оправдания, но я – жена и мать, мое семейное гнездо вот-вот разрушится под тяжестью измены, и мозг старается всеми правдами и неправдами найти запасной выход.

Что делать? Как себя вести? С порога наброситься на Якова с обвинениями или дожждаться, пока дети разойдутся по спальням? Когда это будет? Жанна написала, что она встречается со своим парнем, и они идут в кино, так что раньше одиннадцати вечера дочка домой не вернется, и спать ляжет в районе полуночи. Кирилл, наверное, уже дома, его тренировка закончилась час назад.

Мне придется выселять мужа на диван в гостиную или просить собрать вещички и отправить в его квартиру. Господи, за что мне все это?!

Дом, милый дом. Когда я успела сюда доехать? Такое ощущение, что голова вот-вот лопнет от мыслей. Удивительно, как я не нарушила правила и соблюдала скоростной режим. Или все-таки не соблюдала? Ладно, скоро узнаю: письма счастья с камер видеофиксации приходят быстро.

Оставляю машину на парковочном месте, глушу двигатель и забираю сумку из салона. Внедорожник мужа уже здесь.

Вдох-выдох... Ноги словно деревянные, еле движутся. Тепло сопротивляется, цепляется за последние минуты тишины и покоя в преддверии бури.

Я стискиваю зубы, поднимаю голову и расправляю плечи.
– Вперед, Машка! Никто кроме тебя не разгребет этот бардак, так чего ждать?!

Руки слегка подрагивают, когда я вставляю ключ в замочную скважину. Щелк! Вхожу в прихожую, делаю глубокий вдох, словно собираюсь погрузиться на глубину, имея в запасе только тот воздух, что находится в легких. Уф! Скидываю туфли, оставляю сумку на тумбочке и забираю телефон. Смотрю на себя в зеркало, вижу хорошо одетую испуганную женщину с темными кругами под глазами и расширенными зрачками. Не красotka, однозначно.

Три.

Два.

Один.

Ныряем.

Ноги несут меня на кухню-гостиную. Зачем-то щелкаю кнопкой чайника и отхожу к окну. Закрываясь от стресса, тело спасается простыми привычными манипуляциями.

Яков уже близко. Чтобы осознать это, мне не нужно оборачиваться. Я кожей чувствую его присутствие, тяжелый взгляд, а затем вижу широкоплечий силуэт в отражении окна. Молчим оба.

Летний вечер. Закат сегодня особенно красив. Диск солнца наполовину скрывается за линией горизонта, небо меняет цвет. Облака, подсвеченные последними лучами, меняют цвет: из белых превращаются в огненные, пурпурные, тёмно-фиолетовые. Романтично... но не сегодня.

– Маша... – произносит муж и замирает, тщательно обдумывая слова, а я договариваю за него.

– Это не то, что я подумала, правда?

Боже, как все глупо и примитивно! Не хочется разыгрывать сценку из дешевого спектакля, но, похоже, выбора нет.

– Нет то, Маш, – подтверждает Яков и раздраженно массирует шею. Какой знакомый жест! Он всегда так делает, когда упирается в тупик и не может найти выход.

– Ну хорошо, тогда давай поговорим и ты расскажешь, что это было на самом деле.

Я отхожу от окна и сажусь за стол, жестом указываю мужу

на стул, стоящий напротив.

– Я...

Его версия не успевает прозвучать, потому что в наш диалог вплетается третий голос.

– Мама, ты тоже это видела, да?! Видела шлюху, которую он тискал в машине?!

О, Боги! Я даже не заметила, как Кирилл спустился со второго этажа. Он не только слышал наш короткий диалог, но еще и видел... Видел отца с любовницей. Это катастрофа! Судя по тому, как блещут от ярости и обиды глаза моего ребенка, откатить ситуацию на тормозах уже не удастся.

– Кир, не надо, – я встаю со стула, подхожу к сыну и привычным жестом взъерошиваю его шевелюру. – Пожалуйста, дай нам с отцом поговорить. Оставь нас наедине.

– Мам, нет... Ты ведь не останешься с ним, с этим, – мотает головой в сторону Якова, – после того, как он чпокал белобрысую шлюху?! Скажи, что не останешься, иначе....

Я вижу, как пульсирует венка на виске Голубева, вижу хищный прищур его глаз и руки, стиснутые в кулаки. Яков на грани срыва. Он привык контролировать ситуацию, но сейчас контроль утекает, как вода сквозь пальцы, оставляя обнаженной уродливую суть произошедшего.

– Кир, иди к себе! – он давит на сына физически, нависая, шаг за шагом отесняя его в сторону лестницы на второй этаж. – Послушай мать и сделай так, как она попросила!

– Я... – хорохорится мой ребенок. Ему четырнадцать, но

он еще слишком слаб, чтобы выступить против взрослого мужчины. В глазах Кирилла блестят слезы обиды, а я складываю руки в молитвенном жесте.

– Иди, Кир, я позже поднимусь в твою комнату, и мы поговорим.

– Не прощай, ма, пожалуйста. Ты сильная и красивая, мы справимся без этого предателя, – бросает напоследок Кир и с такой силой хлопает дверью в своей комнате, что люстра в гостиной вздрагивает, хрустальные подвески тихо звенят и качаются.

Тишина в квартире напоминает затишье перед бурей. Я перевожу взгляд на мужа и возвращаюсь за стол, сцепляю пальцы в замок.

– Слушаю тебя, говори.

– Я...

Черт! Этот вечер проклят, что ли?! Яков отчетливо скрипит зубами, с его губ слетает матерное слово, когда входная дверь снова хлопает, а через мгновение по квартире разносится звонкий голос дочери.

– Пап, мам, привет! Отлично, что вы оба дома, я как раз хотела с вами поговорить! У меня есть отличная новость! Через десять дней я познакомлю вас с родителями Артура! Здорово, правда?! – сияющая от счастья Жанна смотрит на меня, потом переводит взгляд на отца и обратно. Ее улыбка медленно гаснет, а руки-крылья, раскинутые в жесте объятий, опускаются. – Почему у вас такие лица? Что случилось?

Кто-то умер? Или вы не рады за меня?

— Мы рады, Жанн, просто отец загулял с одной белобрысой шлюхой. Прикинь, как круто, да?! Он катает ее на своей машине и трахает в отеле «Звезда». Я собственными глазами видел, как сегодня они выходили оттуда около полудня. Наш папаня лапал блонду за жопу и улыбался, как мартовский кот, который смог поиметь всех драных кошек в этом городе, — отозвался Кирилл. Он вышел из своей комнаты, услышав голос сестры.

Никогда. Мой сын никогда не отзывался о Якове подобным образом, и эти изменения режут слух, а дочка смотрит на брата, открыв рот от изумления. Она почти не дышит, моргает, пытаюсь усвоить информацию.

— Что? Этого не может быть, — Жанна растерянно моргает, заглядывая мне в глаза. — Мама, скажи, что Кир все придумал. Ма, ну скажи, пожалуйста... — по-детски лепечет дочь, пятась от нас, пока не упирается спиной в стену. — Папа, это ведь все неправда, да?

Я бы сказала. Честно! Подтвердила бы, а Кириллу навала затрецин, если бы его слова не были правдой. Ведь все оказалось даже хуже, чем я думаю, а подозревать сына в голословном обвинении у меня нет причин. К тому же отель «Звезда» находится как раз по пути от спортцентра к нашему дому.

— Я сама видела, как мой муж целовал блондинку, которую подвозил на своей машине. Это правда, Жанна.

Немая сцена прерывается тихим всхлипом.

– Так значит мне не показалось и это была твоя машина?!

– взвизгивает Жанна и закрывает лицо руками. – Блин, папа!

Ну нельзя же так!!! Ты и эта девка, это просто ужасно!!!

Последние слова звучат глухо, но отчетливо.

– О, Боже...

Я упираюсь лбом в сложенные на столе руки и тяжело вздыхаю. Приплыли. Вся семья за короткое время проваливается в болото измены, и это так мерзко.

Несвободное падение

Времени на жалость и рефлексия у меня не остается: с одной стороны сердито сопит Кирилл, который спустился со второго этажа и всем своим видом снова нарывается на стычку с отцом, с другой – всхлипывает и что-то бубнит себе под нос расстроенная дочь.

Я не успеваю открыть рот, как в гостиной раздается голос мужа.

– Так, дети, а ну-ка все разошлись по своим комнатам! Нам с мамой нужно поговорить без свидетелей! Быстр-р-о!

Яков редко повышает голос, обычно ему достаточно жесткого взгляда, чтобы все происходило так, как желает этот мужчина. Харизма и тестостерон правят балом, да. Альфа-самец – единовластный хозяин территории. Вот и сейчас сын и дочь беспрекословно повинуются отцу.

Демонстративно громкий топот двух пар ног по лестнице, хлопанье дверей... И тишина...

– Маша, вот только не надо драматизировать, – спокойно заявляет муж, занимая место за столом напротив меня. Он – расчет и холод, я – эмоции и вулкан, который вот-вот взорвется и засыпет окрестности толстым слоем пепла, выжжет все живое раскаленной лавой. – Это всего лишь мимолетное увлечение, эпизод. Видела и забудь, оно того не стоит.

В голосе мужа сквозит ленивая усталость, он даже не пы-

тается оправдываться, просто отмахивается от произошедшего, как от досадного недоразумения, а я не верю своим ушам. Что, серьезно? А разве так можно?!

– Яша, смотри, как бы это мимолетное не превратилось в залетное. Сразу видно, что девка шустрая, а ты – мужик состоятельный, так что будь готов к сюрпризам. Как тебе идея еще разок стать папочкой?

Мои обида и гнев смешиваются с тихой истерикой, растворяются в иронии и сарказме.

– Ты совсем охренела? Какие дети, Маша?! Дети должны рождаться в браке и от любимой женщины! У меня уже есть двое, этого достаточно! – в голосе Якова клокочет гнев, но мне почему-то кажется, что этот гнев направлен не на меня, а на самого себя. Ведь если девка и правда залетит, то мужу придется хорошо раскошелиться и думать о том, как замять конфуз.

– Яша, я не понимаю, чего тебе не хватало. Честно...

Я в легком шоке слушаю любимого мужчину, в груди боль острыми когтями добивает осколки любви, превращает их в пыль. Чего я жду? Извинений? Оправданий? И что получаю? Это просто бред какой-то... Между тем Яков внимательно ловит каждую мою эмоцию, готовится отбивать очередную претензию и накидывает оправдания.

– Маша, мы вместе уже тринадцать лет. Тринадцать!!! И все это время ты была идеальной женой и матерью, ты – мой надежный тыл, но... – он делает многозначительную паузу, а

я напрягаюсь в ожидании: все самое неприятное начинается именно после этого «но».

Пауза затягивается, становится искусственно-драматической, демонстративной. Муж словно подчеркивает, что ситуация зависит только от него, но это не так: я уже все для себя решила, но хочу узнать, что послужило поводом для предательства. Унизительно? Да, но ниже падать уже некуда, пусть расскажет, в чем дело.

– Не стесняйся, Яша, продолжай. Я слушаю.

– ...но со временем даже черная икра надоедает, Машунь. Хочется чего-то другого...

Он говорит, а я не понимаю, не могу осознать. Секс у нас всегда яркий и жаркий, я не пуританка и не отказываюсь от предложений мужа, сама проявляю инициативу. Знаю, что Яков любит ролевые игры и жесткий секс, именно поэтому в нашей спальне установлена современная система звукоизоляции. Я не пилю и не занудствую, знаю многих его друзей, знакома с их семьями и более-менее в курсе дел мужа.

Чего еще ему не хватает? Не понимаю... Дергаюсь, когда Яков накрывает мою руку и заглядывает в глаза.

– Ты меня слушаешь?

– А... Да, конечно.

– Вот так всегда! – внезапно вспыхивает Голубев. – Ты спрашиваешь, я отвечаю и вижу, как ты смотришь на меня пустыми глазами. О чем ты сейчас думаешь?

– Пытаюсь угадать, что ты скажешь. Так чего тебе не хва-

тало, м?

– Разнообразие, Маш. Мне не хватало другого тела, голоса, других эмоций, темпа и отклика. Другого... В конце концов, надоедает все время ездить на Порше или на Феррари...

– Я поняла. Поэтому ты решил пересесть на автобус или даже на такси. Аргумент, конечно, так себе. Вполне подходит для семнадцатилетнего подростка, который хочет тупо трахать все, что движется, но от сорокалетнего мужика слышать подобное очень странно. И как часто ты катаешься на общественном транспорте? Это ведь не первая ваша встреча, верно?

Яков молчит, сжимает зубы. По напряженной челюсти и по взгляду, отведенному в сторону, я вижу ответ, и он меня добивает.

– Как долго, Яша? Ответь, не молчи!

Зачем я это спрашиваю? Не знаю. Просто это еще один момент унижения. Может для того, чтобы разнести в хлам все то малое, что от нас осталось, или для того, чтобы моя любовь не цеплялась за иллюзии и быстро сгорела в адском пламени правды.

– Почти два месяца...

Меня словно кто-то бьет в живот, из груди вырывается хрип, острая боль расползается из зоны солнечного сплетения по всему телу. Анестезии не существует.

Шестьдесят дней предательства, больше тысячи часов. Сколько за это время было встреч, поцелуев, секса с другой?

И каждый раз – осознанный поступок, не внезапный всплеск эмоций, а решение взрослого мужчины. Ее слова, стоны, касания, адресованные моему мужу – то, что он хапал впрок. Долбанное разнообразие! Я похожа на смертника, который пьет отравленное вино. Знает, что умирает, но все равно выпивает его до последней капли. Истина часто горчит.

Руки трясутся, перед глазами – мутная пелена слез, дыхание рваное и хриплое, как у загнанной лошади, которая вот-вот отдаст Богу душу.

Отцы и дети

– Да блядь! Маша, перестань загоняться! Просто забудь и живи дальше! – психует муж и бьет ладонью по столу. Вибрация расходится по столешнице волной, отдает мне в ладони. – Может у меня кризис среднего возраста?! Понимаешь, мне уже за сорок, а рядом только ты...

Я закрываю уши руками, чтобы не слышать этот бред. Вот оно что, оказывается! И претензий ко мне нет, и секс хорош, а левая баба есть, а все потому, что я – это я. Султану потребовался гарем! Остановите землю, я сойду!

Что я могу сказать? Каждое слово дается с трудом, словно звуки – это ежи, раздирающие горло в кровь.

– Кризис среднего возраста прорабатывается с психологом или в общении с собственной женой, а ты побежал трахаться, так что это не оправдание. Завтра я подам на развод. Яша, давай договоримся, что он будет тихим и спокойным. Ради нас, ради детей и тех тринадцати лет, что мы прожили вместе. Я оформлю заявление на госуслугах, ты его подтвердишь, и мы разбегаемся в разные стороны, а после этого трахайся с кем хочешь и сколько хочешь.

Яков молчит, разглядывает меня так, словно я внезапно заговорила на арабском или на языке туарегов. Судя по выражению его лица, мое предложение услышано не будет.

Квартира, наше семейное гнездо превращается в поле

боя. Где-то в тылу окопались и затихли дети. Уверена, что сейчас они прилипли к дверям и ловят каждый звук, пока их родители ведут дуэль, в которой не будет победителей.

Мы с мужем сидим напротив друг друга.

Уже не семья, почти враги.

Что ж так больно-то?! Почему эта боль не убивает любовь быстро и беспощадно? Почему она разъедает меня изнутри, отравляет душу как страшный вирус? Боль предательства, словно раковые клетки, медленно-медленно расползается по здоровым тканям. Сколько времени нужно, чтобы достичь четвертой стадии? Той самой, когда врачи разводят руками, диагностируют «не операбельно» и отправляют пациента «на доживание». Сколько времени будет корчиться в муках моя любовь?

Словно чувствуя мою слабость и уязвимость, муж перехватывает инициативу.

– Что?! Развод?! – голос Якова набирает силу, в карих глазах вспыхивает знакомое пламя. – Маша, ты с ума сошла? Из-за одной девки ты хочешь разрушить нашу семью? Выкинуть на помойку тринадцать лет жизни?! Ты совсем охренела?!

– Ты сам все разрушил, не надо перекладывать вину на меня, и орать тоже не надо. Шлюха в твоей машине, она была единственной или одной из многих? Яша, я когда вспоминаю этот момент, меня начинает тошнить. Понимаешь, что я чувствую, когда смотрю на твои губы, которыми ты ее це-

ловал? А на твои руки? Это такая мерзость, такая грязь...

Меня начинает трясти, как только я позволяю себе расслабиться, а памяти – вытащить на свет короткий фрагмент. Белая вспышка перед глазами, и я снова вижу блондинку, которая тянет руки к моему мужу. Еще одна, и я на мгновение слепну, кадр меняется. Шлюха почти лежит у него на груди, а он пожирает ее губы, сминает волосы на затылке, желая углубить поцелуй. Из груди рвется вой, к горлу подступает тошнота. Я стискиваю зубы, вскакиваю со стула и иду к кувшину с водой, чтобы запить, протолкнуть водой неприятные ощущения, но Яков хватает меня за запястье.

– Ты куда? Мы еще не договорили!

– Отпусти меня! – дергаю руку и морщусь от боли: кажется, на запястье останутся синяки от пальцев мужа. – Я сказала, отпусти!

– Успокойся, Маша! Ты ведешь себя, как истеричка! – шепчет, почти шипит Яков. – Прекрати! Что ты тут устроила? Дети могут услышать...

Помощь приходит неожиданно. Муж дергается от внезапного удара в плечо, разжимает руку и с удивлением оглядывается.

– Кир, ты что творишь? На отца руку поднимаешь?! Ты понимаешь, что...

– Ты мне никто! – выплевывает мой сын, не дослушав эмоциональный спич Якова. – Ты мне не отец, а предатель и трус, который пытается удержать женщину силой! Отпусти

мою маму! Ты слышал, что я сказал?!

Измена – как чума, заражает всех. От нее нет спасения, и поняв однажды, что любимый человек – предатель, ты кардинально меняешь свою жизнь и себя.

Не знаю, что могло бы заставить меня забыть об измене. Не представляю.

– Кирилл!!! – муж срывается на сына, а я встаю между мужчинами, лицом – к Якову, спиной – к ребенку.

– Не смей на него орать! – шиплю, как змея, а потом поворачиваюсь Киру. – Пожалуйста, иди к себе в комнату.

– Но, мама...

– Кирилл, – я повышаю голос, давлю на собственного ребенка, предотвращая столкновение двух мужчин, – пожалуйста, сделай, как я прошу.

– Хорошо, но только ради тебя, – сын отступает, но натывается спиной на сестру. Жанна взвизгивает, а я на мгновение закрываю глаза: кажется, этот ад сегодня не закончится. Дети меняются местами, теперь солирует дочь.

– Мама, блин, а что будет дальше?! А как же знакомство с родителями Артура?! Я что, должна ему сказать, что мои родители разводятся? И как Артур после этого на меня посмотрит? А если он откажется со мной встречаться?! Мам! Мама!!! – она взвинчивает децибелы до уровня ультразвука, а мои нервы звенят и лопаются.

Я вижу, как зол Яков, готовый крушить все и всех, ведь ситуация полностью вышла из-под его контроля. Пока чис-

ленный перевес на моей стороне, я перехватываю инициативу. Наш семейный «Титаник» уже идет ко дну, и все, что я могу – это обеспечить детей спасательными жилетами и свободным местом в лодке.

– Так, а ну-ка замолчали все!!! Рот закрыли и слушаем сюда!!!

В квартире внезапно становится так тихо, что я глохну от этой тишины и отдаю все свое внимание дочери.

– Чего ты хочешь от меня, Жанна?! Чтобы я сделала вид, что ничего не случилось? Забыть? Понять и простить?!

– Мама...

– Нет, подожди. Что бы ты сделала на моем месте? Представь, что ты вышла замуж за Артема, а он...

– Маша, хватит! – пытается вмешаться Яков, но я отмахиваюсь от него, как от назойливой мухи. Его роль уже сыграна, мавр сделал свое дело.

– За Артура, – шепотом поправляет дочь.

Я вижу, что она уже понимает, о чем я говорю, вижу, что ответ будет болезненным, но продолжаю.

– Извини, за Артура. Так вот представь, что ты – его жена, а он, – я сжимаю пальцы в кулаки и стараюсь не сорваться на крик, – а он целует другую и ведет ее в отель. Твои действия, Жанна?

– Мама... – она мнетя, кусает губу, нервно теребит рукав кофты.

Мне жалко девятнадцатилетнюю девушку, которая столк-

нулась с первыми трудностями взрослой жизни и попала в жернова измены, но сейчас наступает момент истины. Я не хочу становиться ни жертвой, ни той, кто разрушила семью, я всего лишь претендую на объективную оценку.

– Нет, дорогая, так не пойдет. Ты уже выросла и не должна прятаться за моей спиной. Пришло время принимать взрослые решения. Как бы ты поступила на моем месте?

– Это ведь было всего раз, правда, пап? – дочь смотрит на отца, а тот с психом срывается с места.

– Твою мать, Маша!!! Что ты тут устроила?! Это наш разговор, зачем ты втягиваешь в это детей?! – снова взрывается супруг, хватая сына и дочь за плечи и буквально волочет к лестнице. – А ну-ка разошлись по своим комнатам!

Бунт на корабле продолжается, грозя перерасти в полноценный хаос.

– Нет, папа! – вырывается Жанна.

– Да пошел ты! – вторит ей Кирилл. – Отпусти меня, пока не...

Звук удара раздается в тот момент, когда в квартире на миг повисла пауза между словами. Мой сын отлетает в сторону, натывается спиной на диван и заваливается на бок, хватаясь рукой за скулу.

Ночные разговоры

Гад! Муж ударил моего ребенка! Забрало падает, перед глазами – красная пелена, в крови бушует адреналин. Я вцепляюсь в руку Якова и тещу – почти волоку – его к входной двери, а он ведется, молча переставляет ноги. Вообще-то рост моего мужа почти метр восемьдесят пять, и мои сто шестьдесят рядом с ним смотрятся смешно, но сейчас в моей крови бурлит адреналин, а муж находится в шоке от того, что ударил Кирилла. Я пользуюсь ценными секундами шока, выталкиваю Якова на площадку, захлопываю дверь, набрасываю цепочку и закрываюсь на щеколду. Все, он не войдет.

– Боже! – прислоняюсь спиной к стене и закрываю глаза, пытаюсь осознать события последних мгновений. Это просто какой-то сюр, театр абсурда!

– Мама,пусти, я ему... – Кир рвется в коридор, но я усмиряю парня одним взглядом и для верности качаю головой.

– Не надо... все... это все...

Надо бы осмотреть сына на предмет синяков и ссадин, но я даю себе минуту отдыха. Как же я устала! Сползаю по стене и сажусь на пол, рядом тут же оказывается сын, а дочь стоит в дверном проеме и с ужасом смотрит на входную дверь, цепочку и задвижку. Семья забаррикадировалась.

– Мама, а что теперь?!

– Ты вроде взрослая, а такие глупые вопросы задаешь.

Развод будет, неужели не ясно? — Кирилл отвечает сестре вместо меня. — Мама не останется жить с предателем.

— А как же я? А Артур?

Сын тихо фыркает и трогает скулу, я пытаюсь взять под контроль трясущееся тело и встать на ноги. Не сразу, но получается. Нужно успокоить дочь и сына.

— Все будет хорошо, — последнее слово звучит полным бредом на фоне всего происходящего, но я продолжаю. — У тебя был, есть и будет отец, просто теперь мы будем жить отдельно. Мы встретимся с Артуром и его родителями, поговорим, посмотрим на твоего парня, — я вижу, что Жанну трясет так же, как и меня, поэтому обнимаю дочь, даря остатки тепла и капельку надежды. — Все будет хорошо, поверь.

Хорошо точно не будет, осколки нашей семьи уже разлетелись в разные стороны, и меня ждет тяжелая работа: склеить то, что осталось.

Как же невовремя вписалась в этот ад Жанна со своей любовью!

На самом деле я с трудом верю в то, что чувства в девятнадцать — это раз и навсегда, но жизнь тем и непредсказуема, что даже поздняя любовь — не гарантия стабильности. В этом мире нет никаких гарантий кроме одной: когда-нибудь мы все умрем, в остальных ситуациях возможна масса вариантов развития событий.

Я с содроганием жду, когда Яков начнет ломиться в дверь, но этого не происходит. Экран моего телефона вспыхивает

входящим сообщением.

Абонент «Любимый».

«Приди в себя и успокой детей. Вернусь завтра вечером, переночую в гостинице.»

– Мам, что там? – дергается Кир, а Жанна вытягивает шею, чтобы прочитать два коротких предложения, отправленных отцом. Сын тихо фыркает. – Да пошел он...

У меня нет сил читать нотации ребенку, поэтому молча ухожу на кухню, достаю из шкафа тяжелую пузатую бутылку и наливаю золотистый напиток в обычную чашку. И так сойдет. Пью маленькими глотками, чувствуя, как по пищеводу разливается живительное тепло, жмурюсь от удовольствия и открываю глаза, когда слышу рядом голос Жанны.

– Мама, а я могу сама решать, с кем останусь жить после вашего развода?

– Конечно можешь, ты уже взрослая, суд учтет твоё мнение.

Ловлю себя на мысли о том, что даже не дернулась, услышав вопрос дочери. В конце концов она взрослая, пусть решает сама, с кем жить. Слов нет, сил нет. Эмоциональный всплеск опустошил меня до доньшка. Бобик сдох. Я допиваю коньяк в полной тишине и мою чашку. Поздно уже, спать пора, но расслабление не приходит. Я обрабатываю антисептиком ссадину на скуле сына, разгоняю детей по спальням, а сама сижу в гостиной, сверлю взглядом телефон, и он оживает.

«Отдай мне туфли, я босиком».

Я не сразу понимаю, о чем идет речь: голова гудит от напряжения. Туфли? Какие? Зачем они ему?

– Дура! – бью себя по лбу, иду в прихожую и вижу на полке черные туфли мужа. Беру их, смотрю в экран домофона. Яков стоит на лестничной площадке, прислонившись спиной к стене. Глаза закрыты, руки плетью висят вдоль тела. Я открываю дверь, оставляю обувь у стены и снова ухожу в глухую оборону, закрываюсь на все замки. Радуюсь, что муж не успел сменить костюм на домашнюю одежду: банковские карты, брелок от машины всегда лежат в кармане пиджака, а ключи от квартиры остались на тумбочке в прихожей.

Этим вечером тишина кажется тяжелой и плотной, как осенний туман.

– Мама, ты как?

Я смотрю на сына, появившегося из темноты, и молча хлопаю по дивану, приглашая сесть рядом, но Кир приземляется на ковер и кладет голову мне на колени.

– Если честно, то не очень, сынок.

– Мам, я хотел тебе сегодня рассказать про... про Якова и его шлюху, но ты и сама все увидела. Мне жаль...

– Мне тоже жаль, Кир. Я была счастлива с твоим отцом, – запускаю пальцы в шевелюру сына, перебираю отросшие волосы. – Ты бы постригся, а то уже похож на льва.

– Постричься? – Кирилл оттягивает челку на лоб, и она закрывает глаза, – да, ты права, надо. Завтра запишусь в бар-

бершоп. А по поводу этого муд... мужчины, так он мне не отец.

Пытаюсь свернуть с острой темы, но мой ребенок – тот еще упрямец, все равно возвращается туда, где еще не остыли эмоции.

То, что Яков не является его биологическим отцом, сын узнал в десять лет. Мы с мужем долго думали и решили сказать об этом сами прежде, чем информация попадет к ребенку из чужих рук в искаженном виде. Мир не без добрых людей, в нем есть те, кто живет чужими судьбами, интересуется скандалами, раскручивает интриги и ведет расследования.

Кирилл отреагировал на эту новость на удивление спокойно. Задал несколько вопросов, получил честные ответы и продолжил считать Якова отцом, а Жанну – родной сестрой.

Когда мы впервые встретились с Голубевым на мосту любви, его дочери было шесть, а моему Киру – год.

Первая жена Якова умерла от пневмонии через три года после рождения Жанны, оставив после себя боль потери и девочку, которая сходил с ума без маминой любви.

Наша встреча на мосту – случайность. Бабье лето радовало москвичей ярким солнцем, пронзительно-синим небом и теплым ветром, который играл золотыми кронами кленов и берез, гонял по тротуару шуршащие листья. Я с Кириллом шла на прогулку в парк, а Яков гулял с дочкой. Жанна с любопытством перебирала висящие замки, разные по размеру и цвету, читала вслух имена пар.

Я остановилась полюбоваться на реку, Голубев вежливо поздоровался, я отозвалась. Слово за слово, эмоция за эмоцией, мы притянулись друг к другу невидимыми нитями, которые становились крепче с каждой новой встречей.

Все было сложно: двое детей, куча проблем, но пазл сложился удивительным образом. За первой встречей последовала вторая, и еще. Кир и Жанна нашли общий язык, и это стало дополнительным стимулом к нашему сближению. Детская ревность? Нет, ее не было. Два сложных осколка удивительным образом совпали рваным контуром и образовали новую семью.

– Кирилл, не надо так, – я выныриваю из воспоминаний и возвращаюсь в реальность. – Яков был хорошим отцом, он много тебе дал и многому научил.

– Но, мама, – дергается сын, но я удерживаю его на месте.

– Послушай меня, Кир. Яков поступил отвратительно и этому поступку нет оправданий, но давай не будем обесценивать то, что он для тебя сделал. Вспомни, кто предложил тебе заняться спортом? Он. А сколько секций и тренеров ты сменил прежде, чем остановился на фехтовании? Яков был терпелив, он давал тебе возможность выбора и всегда был рядом. Он – мужчина, и он помог тебе найти себя в спорте, я бы так не смогла. Помнишь, что именно Яков разговаривал с твоим тренером по борьбе и тот сказал, что у тебя молниеносная реакция, а после этого вы пошли на открытый урок в секцию фехтования? Кирилл, я понимаю, что тебе боль-

но и обидно, мне – тоже, но давай оставаться порядочными людьми и не будем смешивать предательство с замечательным прошлым. Он был отличным отцом, но не смог быть таким же хорошим мужем. Лично я была счастлива рядом с Яковом и Жанной, и мне...

– Мама, о чем вы тут шепчетесь? Ты что, хочешь меня бросить? – раздается с лестницы голос дочери. – Я правильно тебя поняла, мам? Ты хочешь от меня отказаться?

Этой ночью в нашей семье всем не до сна.

За разговором с сыном я не услышала шагов Жанны, которая сейчас стоит возле дивана и смотрит на меня глазами напуганного олененка. Господи, ну какой жених? Какая свадьба? Я поднимаю руку, как крыло, и приглашаю девочку сесть рядом. Обнимаю, поглаживаю по плечу. Кир затих на полу, закрыл глаза.

Факт предательства разнес нас в клочья, эмоции все еще бушуют и не дают уснуть. Мы ищем помощи и поддержки друг у друга, а Яков... Даже не знаю, где он сейчас. Может поехал к Виктору, своему лучшему другу, а может снял номер в гостинице или рванул к блондинке.

Ну а что, все равно из дома выгнали, так чего время терять? Фу... передергиваю плечами, прогоняя из головы мерзкую картинку. Тихий всхлип дочки напоминает о том, что ее вопрос остался без ответа.

– Жанна, даже не думай об этом! Я не собираюсь от тебя отказываться! Развод касается только меня и твоего отца, но

не тебя, и мы не шепчемся, просто не спится.

Мы разошлись по спальням, когда на часах было почти два. На большой пустой кровати я чувствую себя одинокой и замерзающей. Кутаюсь в одеяло, стараясь не думать о том, где и с кем проводит это время муж, отправленный в изгнание.

Скоро начнется новый день, который потребует от меня сил и спокойствия. Кто бы знал, где их взять?

Начать с нуля

Мое утро начинается в семь.

На столе стоит тарелка с дымящимися сырниками, в красивых креманках – мед, сметана и клубничный джем. Дети топают по второму этажу, громко переговариваются. У Кирилла уже сданы все переводные экзамены, но он всегда встает вместе со всеми и завтракает, а потом занимается своими делами.

– Не ссы, ты справишься, – наверное уже в сотый раз повторяет, спускаясь по лестнице следом за сестрой, и закатывает глаза, увидев мою реакцию. – Ну то есть не трясись, все будет ок. Жанка, ты же отличница. Сама говорила, что Михеев в тебе души не чает, так чего ты загоняешься?

Сегодня моя дочь сдает экзамен. Первый курс иняза подходит к концу, а в будущем девочка планирует замахнуться на работу переводчика-синхрониста. Круто! Я до сих пор не понимаю, как в ее голове смогли идеально уложиться четыре европейских языка и один восточный – китайский.

– Ты не понимаешь, Кир, Михеев каждый раз трясет меня, как грушу. То, что прокатывает у других, у меня не работает, – тихо жалуется брату Жанна.

– Это обратная сторона медали, – глубокомысленно замечает сын и с кровожадным блеском в глазах вонзает вилку в сырник. – Меня Эдик тоже дрючит так, что под конец трени

руки трясутся, и ноги отваливаются. Быть любимчиком не так уж и просто, потому что любовь – она такая...

Трель звонка прерывает рассуждения Кирилла, и я иду в прихожую.

– Возвращение блудного попугая, – ворчу, глядя на мужа через видеодомофон. Нажимаю кнопку, слышу тихое «дзинь!», и Яков исчезает за распахнутой дверью.

На всякий случай готовлюсь к новым разборкам, скребу по сусекам остатки терпения и сил.

Ночь не помогла, не принесла облегчения, но изрядно вымотала короткими моментами забытья и снами, в которых муж занимается сексом с блондинкой.

Звук открывающейся входной двери – начало второго акта Марлезонского балета.

– Ма... – сын бросает на меня вопросительный взгляд, а я пожимаю плечами.

– Отец вернулся. Давайте обойдемся без мордобоя и истерик, ладно?

Мы втроем замираем, как сурикаты в степи. Шаги мужа все ближе, наконец Яков появляется в гостиной, шумно втягивает воздух.

– Всем доброго утра. Без меня решили завтракать? Не дождались? Эх...

Его взгляд полон мягкого укора, голос тих, но атмосфера сгущается с каждой секундой и почти искрит. Одно неосторожное слово, и рванет. Снова.

Трое против одного... Муж натывается на наше общее молчание, как на стену, качает головой и поднимается на второй этаж. Хлопает дверь спальни, через пару минут начинается шуметь вода в ванной комнате.

– Мама, что будет дальше? Папа так и будет ночевать где попало, а домой приходить, чтобы переодеться и привести себя в порядок? – Жанна смотрит на меня, и во взгляде ребенка я отчетливо вижу страх, желание спрятаться от того, что происходит в нашей семье.

Хороший вопрос, да. Я уже отменила все свои планы на сегодня, потому что этот день планирую посвятить разговору с мужем и подготовкой документов к разводу.

– Нет, не будет. Сейчас вы разойдетесь и займетесь своими делами, а я поговорю с отцом. Мы все решим, и очень думаю, что он пойдет мне навстречу.

То, что надеяться на мирный исход не приходится, я вижу сразу, как только Яков спускается со второго этажа, гладко выбритый, одетый в новую рубашку и светлый костюм. Он готов к бою, это читается в напряженных плечах и по опасному блеску темно-синих глаз.

В гостиной происходит рокировка: Кирилл поднимается в свою комнату, взглядом спрашивая «моя помощь нужна?», я отрицательно мотаю головой, параллельно наблюдаю за Жанной. Дочь собирает сумку, одевается и топчется в прихожей.

– Мам...

Я подхожу, обнимаю ребенка и успокаивающе похлопываю по спине.

– Все будет в порядке. Иди, удивляй своего Михеева и получай пятерку. Я знаю, что у тебя все получится. Лети, голубка.

Жанна смущается, услышав нашу любимую поговорку про птицу, бросает взгляд за мою спину. Я знаю, что она смотрит на отца, чувствую это, и тот отзывается.

– Удачи, дочь, – в гостиной звучит голос Якова, и только после этого она выходит из квартиры, тихо закрывая дверь.

Тик-так...

В клепсидре мироздания утекают секунды, а мы молча смотрим друг на друга, когда-то родные, но сейчас почти чужие.

В свои сорок три года мой муж привлекателен зрелой мужской красотой, яркими глазами и широким разворотом плеч, но спелое яблоко оказалось с гнильцой.

– Нет...

– Что «нет»? – отвлекаюсь от созерцания, возвращаюсь в реальность от слов Якова. – Ты о чем?

– Это ответ на твой вопрос. Я не дам тебе развод, Маша и в суд не приду. Я буду затягивать процесс всеми возможными способами, потому что я накосячил и хочу все исправить. Нельзя тринадцать лет выбросить на свалку из-за одной-единственной ошибки, – чеканит Голубев, сцепив пальцы в замок. – Я сделаю так, что ты простишь меня, и мы нач-

нем все сначала.

Удивлена ли я? Ничуть! У моего мужа хватка крокодила: ничто не заставит его разжать челюсти и выпустить добычу или отступить. Крокодилы не умеют пятиться назад, да.

– Я не прощу, Яш. Вчера я услышала твои объяснения, но не смогла их понять, и никогда не смогу, и простить тоже не смогу, так что давай не будем мотать друг другу нервы и разойдемся по-хорошему.

– Нет! Ты должна...

Злость, кипевшая и булькающая под крышкой самоконтроля, вырывается на свободу. Я вскакиваю с места и взмываю рукой, едва не снеся со стола чашку и сахарницу.

– Иди ты к черту, Голубев! Я должна понять, принять и простить, а ты имеешь право на то, чтобы трахать левых баб?! Да с фига ли?! Тебе не кажется, что ты очень классно устроился в этой жизни! Только где баланс, Яша?! Давай я тоже загуляю на пару месяцев, а потом приду, и мы обсудим ситуацию еще раз! Что скажешь?!

Я не кричу, а шиплю, как змея. Боюсь, что на шум Кирилл выйдет из комнаты и встанет на мою защиту, тогда отец и сын снова сойдутся врукопашную.

Яков смотрит на меня так, как, наверное, священник смотрит на дьявола: с презрением и гадливостью.

– Ты не сможешь, Маш, ты не такая...

Эта фраза моментально выбивает из меня агрессию. Я возвращаюсь за стол, устало выдыхаю. Ненавижу скандалы и

истерики, не люблю говорить на повышенных тонах.

– Вот именно, я не такая. Мне, чтобы дело дошло до постели, нужны чувства и ощущение душевной близости, а ты сжег тринадцать лет нашей жизни в костре своей похоти, и знаешь, что самое грустное?

– Что?

– Ты сожалеешь не о том, что сделал, а о том, что попался. Ты два месяца предавал меня и нашу семью и продолжил бы это делать и дальше, но случилось то, что случилось, и грязь всплыла на поверхность.

Молчание мужа тяжелее всех его признаний, потому что мы оба знаем, что я права.

– Раз ты не готов развестись быстро, сегодня я подам документы в суд, – я встаю и обхожу стол, но Яков успевает схватить меня за запястье, мягким рывком притягивает к себе.

Легкие моментально заполняются знакомым запахом тела и парфюма, а моя недобитая любовь начинает трепыхаться, причиняя новую боль.

– Маша, не надо, не спеши, – голос мужа срывается в хрип. – Ну подожди хотя бы до того момента, как мы познакомимся с женихом Жанны. Пусть они увидят, что мы – семья.

С моих губ слетает истерический смешок. Голубев – хороший стратег и умный переговорщик, но в данной ситуации выбирает ошибочный путь.

– Нет, Яша, они увидят не семью, а ее имитацию, и это

будет выглядеть жалко. Я не смогу играть влюбленную жену, потому что при виде тебя всякий раз вспоминаю ту блондинку, поэтому давай обойдемся без дешевого спектакля. Собирай вещи и переезжай в свою квартиру.

– Маша...

– Все, Яша, хватит пилить опилки. Мы не услышим друг друга, поэтому начинай паковать чемоданы.

Мысль о том, что я не должна оставлять сына наедине с мужем застала меня в гардеробной.

– Твою мать, и что делать? – я прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. – Этих двоих нужно разводить в разные стороны, но как? Забрать Кирилла с собой?

Рингтон телефона отвлекает меня от раздумий.

Абонент «НЕТ». Тихий смешок срывается с губ. Женщина по имени НЕТ – это моя подруга Лена, Нестерова Елена Тимофеевна. Я без раздумий принимаю вызов.

– Привет, Лен.

– Привет, птичка. Как у тебя дела? Помощь не нужна?

– Ну...

Пока я пытаюсь сформулировать запрос, Нестерова делает это за меня.

– Слушай, Илья просит отпустить Кира к нам на весь день, ты не против? Сама знаешь, парни найдут, чем заняться. Что скажешь?

– Отлично! Я очень даже за! Сейчас скажу сыну...

– Думаю, Илья ему уже позвонил, – слышу в голосе по-

други улыбку, и сама улыбаюсь в ответ. – Так что твой уже, наверное, собирается.

– Спасибо тебе.

– Да брось, птичка, прорвемся. Давай, заводи своего чемпиона ко мне и лети по делам. Вечером встретимся, поболтаем. У меня есть одно предложение... – подводит итог Лена и на интригующей ноте завершает звонок.

Когда я одеваюсь и выхожу из комнаты, меня встречают две пары глаз: сияющая – сына и настороженная – мужа.

– Готов? – осматриваю Кирилла, который сжимает лямки любимого рюкзака, и иду к двери. – Тогда пойдем.

– Маша, – летит в спину голос мужа. – Маша, я никуда не уйду.

Сын дергается, пытаюсь встать между мной и Яковым, но я взглядом выпроваживаю его на лестничную площадку.

– Яша, если не уйдешь ты, то уйдем мы, но это неправильно. У тебя есть отдельная квартира и время, чтобы собрать вещи.

Тяжелая входная дверь закрывается почти беззвучно, отрезая нас от предателя, а интуиция шепчет противным писклявым голосом.

– Напрасно надеешься, он не уйдет.

Визуалы главных персонажей

Голубева /в девичестве - Демьянова/ Мария Егоровна

35 лет

Владелица риэлторского агентства «Ключ к Дому».

Активная, умная, целеустремленная. Чуткая и эмоциональная.

Любит свою работу и семью.

Мама 14-летнего Кирилла (родной сын) и 19-летней Жанны (приемная дочь).

Категорически не понимает и не принимает причины измены мужа.

Кажется, это конец семьи Голубевых.

Голубев Яков Михайлович

43 года

Владелец сети автомастерских и шиномонтажных центров.

Был хорошим отцом и любимым мужем до тех пор, пока не позволил себе свернуть на скользкую тропу предательства.

Свой поступок оправдывает поиском новых эмоций и ощущений, категорически против развода. Готов сделать все, чтобы жена забыла про измену продолжительностью в два месяца.

Да будет тьма!

– Он не уйдет, – сам того не зная, Кирилл вслух подтверждает мои сомнения. Мы садимся в машину, щелкаем ремнями безопасности, и сын продолжает свою мысль, – отец боится нас потерять, он не хочет уходить. Черт, – он запускает руку в волосы и тяжело выдыхает. – После всего, что случилось, мне трудно называть его отцом. Мам, я неблагодарный, да? Я плохой?

Перед тем, как ответить, я на мгновение откидываюсь на сиденье и закрываю глаза. В сложившейся ситуации больше всего страдают дети: их мир рушится, одна из ключевых фигур – отец – превращается в источник хаоса и боли, теряет свой авторитет, а я должна справляться за двоих. Отвечать на бесконечные вопросы, поддерживать и вдохновлять, ведь жизнь продолжается. И пусть сейчас нас штормит и болтает, как на волне девятибалльного шторма в утлом суденышке без весел и парусов, но мы непременно выживем.

Мы – трое, осколок семьи.

На какое количество вопросов мне еще придется ответить? Сколько раз сказать, что все будет хорошо? Ничего, я справлюсь. Смотрю на сына, улыбаюсь.

– Ты нормальный, Кир. Мне тоже сложно называть Якова мужем после того, как я видела его с другой женщиной. Нам всем больно, сложно и пока неясно, как будет развора-

чиваться ситуация, но в любом случае мы должны сохранять спокойствие. Пообещай, что не будешь нарываться на конфликт с отцом.

– Но мам...

– Кир, пожалуйста, – я нажимаю на кнопку запуска двигателя и пристально смотрю на ребенка. – Я ценю твою защиту и благодарна за поддержку, но настоящая сила кроется не в кулаках. Ты понимаешь, о чем я говорю? Ваши стычки ничего не решат, только усилят напряжение, а мне и без того тяжело.

Говорить правду – мое правило. Она может быть неудобной или болезненной, но только так можно выплыть в сложной ситуации. Вот и сейчас сын-бунтарь анализирует мои слова и понимает, что каждое – истина, поэтому неохотно кивает, отбрасывая с глаз отросшую челку.

– Ладно, мам, я понял. Я постараюсь молчать и делать вид, что его нет.

Про себя понимаю, что это – не выход, но я не могу требовать от сына больше, чем он может дать, поэтому судорожно ищу компромисс.

– Давай попробуем обойтись без игнора. Каждому человеку нужна реакция, пусть даже минимальная. Если Яков захочет о чем-то поговорить, ты можешь отказаться, но только спокойно и без крика. Я уверена, что ты справишься, – вбрасываю последнюю фразу как провокацию. Знаю, что играю не по правилам, но у меня впереди общение с Жанной, и там

тоже не будет просто, а сил уже на доньшке.

– Попробую, – бурчит Кир и отворачивается к окну. – Я постараюсь, но не гарантирую.

Ну хоть так... Становится чуточку легче. Перевожу рычаг переключения скорости в режим drive, и мы покидаем парковку перед домом. Сына ждет друг, а меня – оформление документов для подачи в суд.

Находясь в плену тяжелых мыслей, не замечаю, как мы доезжаем до нужного дома. Ай да я, ай да молодец!

– Пока, ма! – сын пулей вылетает из машины, машет мне рукой и устремляется к подъезду, где его уже ждут. Илья, ровесник Кирилла, сын подруги Лены. Парни дружат с малолетства и сейчас их общение – отдушина для моего ребенка.

– Пока! Веди себя...

– Ой, ма, ну не надо, – фыркает мой парень и улыбается так, словно не было никакого разговора про катастрофу в нашей семье, про предателя-отца. Он не забыл, просто переключился. Мне бы так... – Я же не маленький, ну что ты, в самом деле...

– Ладно, не маленький, беги, – стою у машины, смотрю, как закрывается за мальчишками входная дверь подъезда и возвращаюсь за руль.

Одно дело сделано.

По дороге в офис Кати, подруги-адвоката, я пытаюсь слушать радио, но мысли то и дело улетают в сторону предстоящего развода. Какие уж тут песни, это танцы с бубнами!

– Привет, Машунь, – Ульянова встречает меня в своем кабинете. Цветущая, довольная жизнью. На ее фоне я выгляжу как старая уставшая моль, которая даже в самый яркий день не отбрасывает тень, просвечиваясь насквозь. Подруга быстро сканирует меня взглядом и нажимает кнопку селектора.

– Галя, два эспresso сделай пожалуйста.

Абонент отвечает коротким «ок», а через несколько минут передо мной уже стоит чашка с крепким ароматным кофе.

– Отвезла Кира?

– Да. Спасибо, что выручаете непутевую подругу. Можно было бы оставить Кира дома, но я боюсь, что он снова с Яшкой схлестнется.

– Нет проблем. Маш, когда мой Димка вернется от бабушки с дедушкой, он непременно присоединится к банде. Сама знаешь, парни – не разлей вода. Пусть у меня тусуются, или у Лены, места всем хватит. Твой Кир – мозг банды, а мой Димка – дурная голова. Я всегда твоего сына своему оболтусу в пример ставлю.

Это было приятно, да. Ложка меда в бочке дегтя моей реальности.

Взгляд Кати меняется, когда она осознает один момент.

– Погоди, что значит «снова схлестнется»? Яков что, ударил сына или ты некорректно выразилась?

– Не ударил... Попытался, но Кир увернулся, в результате – ссадина на скуле.

– Это просто пиздец какой-то, – изумленно выдохнула Ульянова. – Докатились. Никогда бы не подумала про Яшку, что он на это способен...

– Кать, мне тоже в голову не могло прийти, что мой муж может изменять целых два месяца, но он это сделал.

В кабинете становится тихо. Кате требуется какое-то время, чтобы взять себя в руки, и она переключается на работу.

– На ладно, давай делом займемся. Где документы? У меня есть знакомый судья, так что все провернем максимально быстро и без затей.

Я отдаю файл с нужными бумагами и смотрю, как слаженно работает моя подруга и ее команда.

– Кать, а что будет, если Яков не придется на заседание?

– Его перенесут, тут без вариантов.

– Я пятой точкой чувствую, что он начнет саботировать процесс, – выдыхаю и делаю глоток, смакую ароматный напиток, в котором горечь и сладость идеально сбалансированы. – Яшка не хочет разводиться, хочет, чтобы я его простила.

– А ты?

– А что я? Я как вспомню их поцелуй в машине, так меня с души воротит и тошнит.

Катя передает документы помощнице, чтобы та сделала копии, садится за стол и сцепляет пальцы. Смотрит на меня так, что я начинаю краснеть.

– Ну что? Что?! Ты во мне сейчас дыру прожжешь!

– Маш, а ты случайно не беременна? Тебя тошнит только когда ты про его шлюху вспоминаешь или не только?

Мое несчастное сердце пару раз долбится о ребра, а затем заходится в сумасшедшем приступе тахикардии, память шарит по полкам в поисках нужной информации. Я открываю на телефоне специальное приложение, смотрю на календарь и шумно выдыхаю.

– Катя, ты бы не пугала меня так, а! У меня чуть сердце через горло не выпрыгнуло! Все нормально со мной.

– Ну смотри, Машунь, тебе виднее, но я бы на всякий случай проверилась, а то мы сейчас развод затеваем, а потом начнется карусель с песнями «ребенку нужен отец», – Ульянова тихо цокает и смотрит в окно. – На улице такая погода отличная, а мы все о грустном...

– Ты о чем?

Подруга не успевает ответить, как в кабинете раздается трель входящего звонка.

– Извини, я забыла отключить звук, – строю покаянную рожицу и шарю рукой в сумке, гадая, кому это нейдет? Кир что-то натворил в гостях у друга? Яшка держит руку на пульсе или в офис в поисках квартиры заскочили четыре всадника апокалипсиса? Я даже не знаю, какой вариант меня устроит больше. – Черт, ну почему всегда все нужное – на дне? Что за закон подлости?

Наконец смартфон попадает под руку, и я могу прочитать имя абонента. НЕТ.

– О, наша НЕТ звонит! – бросаю вопросительный взгляд Кати, ловлю ответный кивок и ставлю на громкую связь. – Привет, Ленчик! Соскучилась?

Звонкий смех подруги ласкает слух. Кажется, что у этой нестигаемой женщины всегда хорошее настроение.

– Ну, судя по голосу, ты оклемалась, это радует, – воркует Нестерова, а я представляю, как она изящным движением поправляет роскошные огненные волосы. – У меня есть предложение...

– Привет, рыжая, – Катя вплетает в наш диалог свой голос. – Рада тебя слышать.

– О, и ты здесь! Отлично! Раз все в сборе, это просто замечательно! Девчонки, готовьтесь! – подруга выдерживает эффектную паузу, во время которой мы с Катей молча переглядываемся, гадая, куда в этот раз занесло нашу неугомонную рыжуху. – Случилось чудо!

После этих слов я слегка вздрагиваю, вспоминая, как во время последнего «чуда», организованного Нестеровой, мы долго отбивались от трех друзей, участников боев без правил. Судя по блеску в глазах Кати, она думает о том же.

– Я достала нам билеты!!! – Ленка взвинчивает эмоции на максимум, а мы с Ульяновой задерживаем дыхание.

– Говори уже, пока я тебя не прибила! – ворчит всегда спокойная адвокатесса. – Ну!!!

– Нас ждет «Тьма»! – с пафосом сообщает наша НЕТ и, очевидно, ждет реакцию.

– Ад у меня уже есть, а насчет тьмы я как-то не подумала, – отстраненно фиксирую факт, глядя, как на экране телефона отсчитывается время разговора. – Лена, а в раю для нас нет свободных стульев? На край я бы постояла в уголочке. Там полный аншлаг? Посадочные места остались только во тьме?

– Да ну вас, – обиженно тянет подруга. – Вы ничего не понимаете... Вот сходим, тогда узнаете, что почем. Ладно, я побежала, подробности и локацию скину в сообщении. Форма одежды – повседневная, пафос не нужен.

Гиперактивная подруга сбрасывает звонок, оставляя нас в шоке и недоумении.

– Что почем... Это интересно. Во тьме и правда пафос не нужен, ведь ночью все кошки серы, – замечает Катя.

Ее помощница возвращает документы, приносит бумаги на проверку. Мы еще раз проверяем все данные, я подписываю несколько листов в нужных местах и оставляю на столе.

– Ну вот и все, дело сделано. Сегодня же я передам пакет документов в суд и позвоню по итогу.

– Хорошо, буду ждать. Еще бы не забыть про эту тьму. Вечно Ленку заносит на поворотах, – я встаю из-за стола и убираю в сумку документы и телефон. – Взрослая тетка, а ведет себя, как девчонка.

– Ну ладно тебе, не ворчи. Тьма так тьма, где наша не пропадала. Прорвемся, Маш, – фыркает Катя. – Первый раз, что ли...

Моя попытка номер...

Я выезжаю из офиса Кати и беру курс на работу.

Риэлторское агентство «Ключ к Дому» – мое детище, которое начиналось с одного ноутбука и рабочего места на кухне. Со временем оно выросло и переселилось в современное офисное здание со стильным дизайном и усилилось командой единомышленников.

В «Ключе» кипит жизнь, рабочий чат раскаляется от сообщений.

– Мария Егоровна, добрый день, – секретарь встречает меня традиционной улыбкой. Лиза – наш якорь спокойствия в океане безумства. Она встречает клиентов, и те сразу же чувствуют себя самыми важными и нужными в этом мире, а риэлторы подхватывают их и берут в оборот. Процесс отработан до совершенства и не дает сбоев. – Все идет по плану: трое на показе, двое в МФЦ с документами, остальные работают на местах.

– Спасибо, Лиза, – я иду к своему рабочему столу, ставлю сумку на специальную подставку и пробегаюсь взглядом по сотрудникам.

Мой офис – открытое пространство, условно разделенное прозрачными перегородками и стойками с цветами. Орхидеи, бонсаи, фикусы и пальмы – зеленые островки, на которых отдыхает уставший от мерцания экрана взгляд.

Включая ноутбук, открываю программу. Просматриваю новые объекты, читаю заметки сотрудников по тем, что уже в работе. Мы – молодцы.

Да, мой бизнес уступает по оборотам бизнесу Якова, но в нем меньше рисков и он не зависит от запчастей, логистики, политики и хитросплетений юридических формулировок в договорах.

При мысли о муже в груди неприятно ноет. Знаю, что Голубев не сдастся, это не в его характере. Он точно не переедет в свою квартиру, а значит меня ожидает тихая война. Громкую и полноценную я пока не могу себе позволить: развод не оформлен, Яков имеет право на проживание вместе с семьей.

Пф! Как же жарко! Смотрю в окно, на улицу. Солнце испытывает терпение москвичей, плавя асфальт, а легкий ветерок разносит сладкое марево по открытому пространству.

Лето, ах, лето...

В офисе прохладно и тихо, щелчки по клавиатурам – наша музыка. Я погружаюсь в работу и поднимаю голову только тогда, когда мой телефон начинает вибрировать, а на экране появляется фотография Жанны.

– Пять!!! – радостно вопит ребенок, – Мам, представляешь, у меня пять! Я сдала! Я это сделала!!!

Восторг и счастье окутывают меня плотным коконом. Я вижу, как сотрудники поднимают головы и обмениваются короткими улыбками. Да, радость моей девочки оказывает-

ся громкой и эхом разлетается по офису.

– Умница! Молодец! Это дело надо отпраздновать! Куда пойдем? Выбирай!

– Эм... – вижу, как наяву, как Жанна постукивает пальчиком по губам, перебирая варианты. – Ма, давай в «Piazza Italia»! Там такая пицца, что ум отъешь, а брускетты – произведение искусства! Еще ньокки, ризотто, джелато и тирамису! Божечки, у меня аж слюнки текут!

– Отлично. Значит встречаемся в «Piazza Italia». В пять нормально?

Фоном нашего разговора меняется, гулкое эхо коридоров превращается в городской шум, значит Жанна вышла из университета на улицу.

– Да, отлично. Я сейчас с девчонками потусуюсь, а к пяти буду на месте. Киру я сама позвоню, чтобы ты не отвлекалась, – тараторит дочь. – Все, мамуль, я побежала, девчонки ждут.

– Беги. До встречи.

Я завершаю звонок и ловлю себя на том, что улыбаюсь.

Между моими детьми уже давно существует некое негласное соревнование: кто лучше, кто круче. Это касается всего: спорта, – тут у сына безусловное первенство – учебы, – в этом они примерно равны – помощи по дому – а в этой сфере дети одинаково ленивы.

Сначала я напрягалась, заметив, как Кир и Жанна слишком рьяно рвутся к успеху, но расслабилась после того, как

заметила дочь, объясняющую Кириллу какую-то сложную тему по математике. Отлично! Я о таком даже не мечтала! Момент наставничества не прошел незамеченным и был оценен по достоинству. Некоторое время дочка гордо задирала нос, потом это стало нормой, но заметно сблизило брата и сестру невзирая на разницу в возрасте.

Экран телефона подсвечивается всплывающим сообщением от Кирилла.

«Буду в пять».

Ну и славно.

Электрическим разрядом пробивает позвоночник при мысли о том, что нужно пригласить Якова, но я, словно страус, прячу голову в песок.

– Если Жанна посчитает нужным, она сама его пригласит. Пусть сама решает.

Да, это трусость, знаю, но меня не хватит на все амбразуры, поэтому я предпочитаю экономить силы.

В пять часов мы встречаемся в ресторане итальянской кухни «Piazza Italia» втроем.

– М-м-м, – невнятно мычит Кирилл, переводя взгляд от меню ко входной двери. Невысказанный вопрос висит в воздухе, наконец дочь не выдерживает.

– Я не стала звать папу. Когда мы собирались в последний раз, он отказался и сослался на работу.

Да, так оно и было. Сын постепенно расслабляется, делает заказ, закидывая сестру бесконечным количеством вопросов

об экзамене.

— Когда я поступлю на юридический, тоже пятерки таскать буду, — Кир в очередной раз вбрасывает информацию о своей мечте и ждет реакции.

— А ты уверен, что потянешь? — Жанна включается моментально. — Мы с девчонками на днях познакомились с парнями с юрфака, так они выглядят, как загнанные лошади.

Я слышу, как рычит мой львенок, как резким жестом убирает с глаз рассыпавшиеся волосы. Сестра умело играет на самолюбии и амбициях брата, мне остается только наблюдать, чтобы она не перестаралась.

— Твои знакомые — лохи и лентяи! Всему свое время! Наверняка они доводят дело до дедлайна, а потом страдают напоказ для таких наивных девчонок, как ты с подругами! — Кирилл легко отбивает претензию сестры и моментально успокаивается.

Да, он — порошок. Реакция молниеносная, она и помогает сыну занимать призовые места в фехтовании.

Мы делаем заказ, обсуждаем прошедший день. Никто не старается заглянуть в будущее, мы живем здесь и сейчас. Официант расставляет на столе тарелки, мы отдаем дань итальянской кухне.

Это время — тишина и покой, затишье перед бурей. Я впитываю каждую секунду, любуюсь детьми. Мы возвращаемся домой, когда часы показывают почти семь.

— Мам, я потом буду в наушниках, ладно? — заблаговре-

менно интересуется Жанна. — Девчонки ссылку на новый сериал скинули, хочу посмотреть.

— Какая-нибудь любовная фигня?

— Сам ты фигня, — обиженно цедит дочь. — Фантастика про магию и приключения. Ну и про любовь, конечно, куда же без нее.

Мой сын умеет молчать так красноречиво, что Жанна не выдерживает.

— Если хочешь, присоединяйся. Не знаю, зайдет ли тебе, но говорят, что интересно.

Кирилл довольно кивает, а я делаю выдох: этим вечером дети будут заняты, значит мне гарантирована тишина.

Я останавливаю машину на парковке у дома, глушу двигатель и беру сумку с соседнего сиденья.

— Ну что, домой?

Мы поднимаемся на лифте, а у меня в груди растет неприятное предчувствие. Весь день Яков не писал и не звонил. Судя по молчанию детей, их он тоже не беспокоил, и это было странно.

Еще более странным мне кажется обстановка в квартире. Я открываю дверь и вхожу первой. Полумрак, тихая музыка, на полу в прихожей рассыпаны лепестки роз, красная ароматная дорожка ведет в гостиную.

— Охренеть, — слышу за спиной голос сына. — Мам, я же говорил...

Я снимаю туфли и молча иду вперед, разбрасывая лепест-

ки в разные стороны.

Свечи. Шампанское в ведерке. Накрытый стол.

– Вы почему задержались? Я вас ждал, придется снова мясо разогревать.

Я смотрю на мужа, одетого в белоснежную рубашку и темные классические брюки, на его улыбку, которая начинает таять. На взгляд, который мечется от меня на детей и обратно.

Понимание приходит медленно и неотвратимо.

Это фиаско.

Первая кровь

– Мы не голодные, пап, не надо ничего разогревать. Мы поужинали в «Piazza Italia», – бросает через плечо Жанна и направляется к лестнице, а Кирилл задерживается у первой ступени, внимательно разглядывая отца. Он гадает, потребуется ли мне помощь, но я отрицательно качаю головой.

– Сама справлюсь, – говорю одними губами, и сын понимает. Кивает, уходит.

– Кстати, пап, у меня пятерка по экзамену. Спасибо, что поинтересовался, – едко замечает со второго этажа Жанна, дожидается брата и закрывает дверь в свою комнату.

Мы с Яковом остаемся в гостиной наедине.

– Мам, если что, я рядом, – доносится сверху голос сына.
– Ну так, на всякий случай.

– Смотрите кино, не отвлекайтесь.

Дети обижены на отца, их колючие слова – бензин в пламя нашего развода. Мы с Яковом остаемся наедине в гостиной, я с тоской смотрю на накрытый стол, который сейчас является иллюстрацией к пиру во время чумы.

Фарфоровый сервиз, хрустальные бокалы, красивые салфетки. Сервировка на уровне приема высоких гостей. Стейк с запеченными овощами – для него и для меня, спагетти с креветками в сливочном соусе – для дочери и для сына. Знаю, что все это Яков приготовил собственными руками.

Мой муж хорошо готовит, причем делает это добровольно и с удовольствием. Мы с детьми частенько вставали рядом, работали командой. Хорошее время было, а сейчас...

Вино, цветы, романтика на фоне летнего заката. Поздно, слишком поздно. Этот ужин – как извинение за предательство, но это так не работает.

– Маша...

Яков растерян, его голос тих, во взгляде сквозит обреченность, а мне хочется обхватить себя руками за плечи и завыть от обиды и боли, которая волной разгоняется по телу. Миллионы ее колючек впиваются в кожу, заставляют замереть без движения.

Он.

Все.

Разрушил.

– Не надо, Яш, ничего не надо. Ты можешь просто уйти? – я с силой зажмуриваюсь, но предательские слезы прорываются из-под век, текут по щекам, оставляют за собой горячую соленую дорожку. Капельки спускаются к губам, я слизываю соль предательства. – Мне больно.

– Машка, черт... Я так закрутился сегодня, что забыл про экзамен Жанны. Прости, я все просрал...

Пальцы мужа прикасаются к моему лицу, вытирают тяжелые капли. В карих глазах – раскаяние и сожаление, и это убивает сильнее, чем крик. Намного проще, когда твой муж хам, подлец и абыюзер, но Яков никогда не был таким, он...

он взял и изменил. Боже, как все сложно!

Мои сердце и мозг спорят между собой: глупая мышца, качающая кровь, хочет простить и поверить, вернуть этого мужчину в круг самых близких людей, но мозг безжалостно фиксирует факты. Голубев не просто предавал нас два месяца кряду, он нашел этому объяснения, оправдания и не собирается признавать свою вину.

А-а-а-а!!! Моя голова трещит от боли, сердце заходится в рваном темпе. Меня просто разрывает...

– Машенька, моя малышка, – Яков стоит передо мной, аккуратно поднимает со стула и притягивает себе на грудь. Обнимает, прижимает, защищает... от самого себя. – Как же я от вас уйду, а? Я же люблю тебя, Жанну, Кира. Вы – моя семья.

– Семью не предают, не меняют на другой голос, тело и ощущения, а потом не делают вид, что ничего не случилось. Отпусти меня! – я дергаюсь, но хватка мужа становится крепче. – Отпусти, я сказала! Ты два месяца спал со шлюхой, а сейчас рассказываешь мне о любви?! А-г-р-р!!! Пусти! – из груди рвется звериный вой. Я снова дергаюсь и освобождаюсь из объятий, которые стали похожи на удушающие кольца удава.

– Машка не смей, не дури!

Я делаю шаг назад, а он – вперед. Яков выставляет перед собой открытые ладони и начинает подкрадываться. Потихоньку, помаленьку. Мы кружим по гостинной, словно связан-

ные невидимой цепью. Наш странный танец прерывает телефонный звонок. Я вижу, как загорается экран смартфона, а интуиция истошно вопит: это она! На экране высвечивается одна единственная буква «К». Конспиратор, твою мать!

Муж бросается к телефону, но реагирую быстрее.

– Стой!!!

Это даже не крик, а команда, и Яков замирает, не дойдя до стола пару метров.

– Поставь на громкую.

– Маша, не надо...

Я, словно мазохистка, добиваю свою любовь, перекрываю ей кислород.

– Хочешь получить прощение – поставь на громкую связь!

Знаю, что будет дальше. Знаю, что не прощу никогда, но мне нужен этот удар, после которого мужчина, которого я еще недавно называла любимым, покинет эту квартиру, а затем – и мою жизнь. Смерть иллюзий, надежд, любви – это то, что мне остается в данной ситуации.

– Маша...

– Тебе решать. Если нет – собирай манатки и катись к ней.

Голубев с обреченным видом снимает блокировку айфона через face ID, принимает вызов и ставит на громкую связь.

– Яша, – в тишине гостиной звучит чужой женский голос. Тихий, с придыханием, словно с намеком на соблазнение. – Яшенька, ты меня слышишь?

Истерика подкатывает, память подкидывает популярный

мем: ежик, ты меня слышишь? Слышу... Слышу...

Прикусываю губу, чтобы не расхохотаться адским смехом и не зареветь одновременно. Муж молчит, а невидимый абонент продолжает рвать эфир и мои нервы глупыми вопросами.

– Яша, я соскучилась, а ты? Когда ты приедешь? Я не могу забыть твои руки на своем теле. Яша, я так хочу тебя, аж горю... У меня скоро овуляция, так что если хочешь маленького, то давай договоримся о встрече. Через три дня удобно? Там же, на нашем месте...

– Кира, – голос моего мужа срывается в хрип. Он поводит плечами, сбрасывает напряжение, но руки остаются сжатыми в кулаки. – Кира, не надо...

– Ну как же не надо? – тихо изумляется женщина и едва слышно всхлипывает. – Ты же сам говорил, что я – твоя радость, твоя радуга в небе, а жена – серые тучи и мелкая морось... Яша, я люблю тебя. Кстати, я еще не делала тест, но может быть я уже беременна, мы же не предохранялись...

Все! Не могу больше! Резким движением я сметаю айфон со стола, он летит на пол, издает звонкий треск. По экрану бежит паутина трещин, звонок прерывается.

Я хотела этого, так получите и распишитесь!

– Вон отсюда!!! – как сумасшедшая пинаю гаджет в сторону входной двери и забиваю гол в ворота! От точного сильного удара огрызок покрывается новыми трещинами, а мое сердце разваливается на части, на ошметки. Оно кровото-

чит, и... Я чувствую, как из носа течет теплая струя, капает на светлый пол алой каплей.

– Маша, прости.

Яков бросается ко мне, раскинув руки для объятий, но я убегаю в ванну, бросая через плечо.

– У тебя десять минут, Голубев. Когда я выйду, тебя не должно быть в квартире. Бери то, что нужно на первое время и проваливай, остальные вещи пришлю доставкой.

– Не надо так, Машуль...

– Иди ты к черту, Яшенька!!! Или к своей Кире вали, мне все равно! Время пошло!

Я закрываюсь в ванной, беру полотенце, смачиваю холодной водой и прикладываю ко лбу и на переносицу. Да, у меня слабые сосуды и во время стресса эта проблема проявляется в виде кровотечения.

– Поменьше стрессов, – говорили врачи во время многочисленных обследований. – Берегите себя, Мария Егоровна, следите за давлением.

Какое давление?! Мне всего тридцать пять! Сажу на краю ванны с мокрой тряпкой на лице и смотрю на себя в зеркале. Женщина с серой кожей и мутным взглядом выглядит на пятьдесят, не меньше.

– Поменьше стрессов, говорите? – устало улыбаюсь и закрываю глаза. Молюсь о том, чтобы Яков прислушался к моим словам и убрался от греха подальше, иначе я за себя не ручаюсь.

Даю себе время. Жду, когда прекратится кровотечение, бросаю полотенце в стирку, щелкаю замком и открываю дверь. Чьи-то шаги раздаются совсем неподалеку.

Не совсем нормальный

Ха! Я зря надеюсь, что Яков услышит мою просьбу с первого раза.

– Твою мать... – слетает с губ. – Ну сколько можно?! Яша, исчезни с глаз моих! Не зли, не доводи до греха.

– Не пыли, малышка. Я хочу обсудить один вопрос и уйду, – ловит мой взгляд и недовольно хмыкает. – Не веришь? Смотри, я уже сумку собрал.

Хм, правда. Вместительная сумка, с которой муж часто ездит в командировки, стоит у стены. Я собираю волю в кулак, иду в гостиную, падаю в кресло. На короткий разговор сил хватит.

– Говори, что хотел и выметайся.

– Фу, как грубо. Маша, давай обойдемся без хамства.

– Я даже не начинала хамить, так что лучше не теряй время, говори.

Подтягиваю колени к груди, обхватываю их руками. Закрываюсь, прячусь от мужчины, которого любила тринадцать лет. Да что там, я и сейчас его люблю. Любовь не проходит по щелчку пальцев, даже если сейчас это мое самое заветное желание.

Хорошо, что у души нет голоса, иначе в квартире стоял бы звериный вой.

Яков считывает мою позу, настроение, поджимает губы.

Понимает, что диалога не случится и, кажется, на ходу меняет тему, переобувается в воздухе.

– Я хотел обсудить встречу с родителями Артема...

– Артура, – поправляю, не задумываясь, но по взгляду мужа понимаю, что это был тест на включенность и внимание, и я его прохожу.

– Да, Артура. Маша, тебе не кажется, что свадьба в девятнадцать – это перебор? Поговори с Жанной, отговори ее от этого шага. Наломает девка дров, беды не оберемся.

Да, точно поменял тему на более легкую, безопасную. Я это вижу, чувствую.

– Как показала жизнь, свадьба в двадцать два – тоже не гарант стабильности, а измена после тринадцати лет совместной жизни – это легко и просто, – Яков пытается что-то сказать, но я взмахом руки отметаю его намерение и продолжаю. – И еще... Во-первых, речь идет не о свадьбе, а о знакомстве с родителями Артура. Это – другое. Почему бы не сходить, не посмотреть на парня и не понять, что представляет из себя его семья? Просто встреча, никаких обязательств. Во-вторых, если ты против ее общения с Артуром, то иди и сам говори с дочерью. Я не буду играть роль плохого полицейского и отговаривать ее, чтобы тебе осталась роль доброго понимающего любящего папочки. Что-то еще?

– Какая же ты упрямая, Маша, – недовольно цокает Голубев и закатывает глаза. – До тебя не достучаться.

– А ты не стучи, Яш. Ты меня уничтожил, понимаешь?

Я превратилась в пыль из-за твоей измены, так что сделай одолжение, исчезни с глаз моих...

– Маша...

– На этом все, – с трудом расцепляю пальцы рук, которые кажутся деревянными, опускаю ноги на пол. Я похожа на сломанную куклу: вроде функционирую, двигаюсь, но рваными резкими движениями и боком. – Поговорили, достаточно. Тебе пора на выход.

– Маша...

А-а-а! Ну что еще ему нужно?! Гнев поднимается тяжелой мутной волной, по телу пробегает волна дрожи. Хочется пойти на кухню, взять сковородку и устроить грандиозную разборку с криками, битьем посуды и дурного мужа. Что это? Состояние аффекта? Оно освобождает от ответственности за нанесение телесных повреждений?

Прикусываю щеку, чтобы боль перебила внутренний шторм, из последних сил формулирую прощальную мысль.

– Я пока не буду вносить твой номер в черный список, но если ты начнешь долбить меня звонками и сообщениями, то, клянусь, ты там окажешься. Яша, все наше общение теперь сводится к двум темам: дети и развод. Кстати, я уже подала документы. Когда будет известна дата заседания, я тебе напишу, изволь явиться.

– Маша, ну зачем ты...? Не надо.

– Вон.

– Что?

– Я. Сказала. Вон. Отсюда.

Я делаю шаг к мужу, он пятится назад. Видимо, в выражении моего лица есть что-такое, что заставляет Якова схватить сумку, надеть туфли и выскочить из квартиры с такой скоростью, словно за ним гонятся все черти ада. Или единственный черт. Я.

Хлопает дверь, я закрываю замок. Тишина давит на уши, мелкий тремор все еще гуляет по телу.

Надо успокоиться. Я возвращаюсь на кухню и убираю со стола. Мои движения механические, бездумные, мысли витают где-то далеко. Романтический ужин не состоялся. Раскладываю мясо, овощи и спагетти по контейнерам, прячу их в холодильник, грязную посуду загружаю в посудомойку, чистые тарелки, приборы и бокалы – на полки. Хотя нет, оставляю один. Беру из ведерка бутылку шампанского, – очень хорошего, кстати, моего любимого – открываю. Тихое – чпок! – затем «тш-ш-ш», и тонкий дымок из горлышка. Золотистая жидкость попадает в хрустальные объятия бокала, сотни веселых пузырьков начинают свой зажигательный танец.

Медитирую на искрящийся напиток, а в голове звучит голос этой «К» Карины.

– ...может быть я уже беременна, мы же не предохранялись...

Беременна? Фыркаю. Это едва ли. Я тринадцать лет в браке с Яковом. Мы хотели общего ребенка, но не получалось. Обследование показало, что моя репродуктивная си-

стема находится в идеальном состоянии, а у мужа есть проблемы: сперматозоиды оказались слишком вялыми, ленивыми, почти мертвыми. Всего три процента активных живчиков практически обнуляют шанс на беременность естественным путем.

Это известие придавило его мужа бетонной плитой, стало черной меткой, признаком мужской неполноценности. Яков молчал несколько дней, переваривал информацию. Однажды я застала его в ванной. Он стоял у зеркала и как-то странно смотрел на свое отражение.

– Пиздец, – выдохнул, когда заметил мое присутствие. Растер лицо руками, криво улыбнулся. – Я у тебя неполноценный, малышка. Инвалид, калека. Урод.

Машка–малышка, так он любит меня называть. Мне нравится. Ласково, нежно. Мое.

– Яша, прекрати говорить глупости, ты не урод и не калека. У нас уже есть дети, так что я не вижу проблем. Не делай из мухи слона, не раздувай ситуацию до трагедии, – я положила руки на широкую спину мужа, уткнулась носом в тонкий хлопок футболки. – Не думай об этом, не надо. Мне хорошо рядом с тобой, с Жанной и Кириллом. Я счастлива. Слышишь, Яш? Я счастлива!

– Слышу, – он развернулся, взял меня за подбородок и чмокнул в лоб. – Ладно, проехали.

Так тема общего ребенка постепенно сошла на нет.

– Если от этой проблемы нельзя избавиться, то к ней луч-

ше не возвращаться, – посоветовала психолог, когда я пришла на консультацию. – Занимайтесь любовью, отдавайтесь процессу, получайте удовольствие и не заикливайтесь на результате. Если вы хотите ребенка, то обращайтесь к медикам, но не насилуйте слух мужа о том, что у вас опять ничего не получилось, и пришли критические дни. Мужчины очень болезненно воспринимают факт своей неполноценности.

Неужели я что-то сделала не так, где-то недосмотрела, недоработала? Я приняла приговор врачей, совет психолога и расслабилась. Да, ребенок стал бы подарком судьбы, но я уже состоялась как мать, а у Якова есть дочь.

Наша сексуальная жизнь была яркой, разнообразной, насыщенной.

Боже, где я ошиблась? Неужели измена произошла именно из-за этой проблемы?

Вспоминаю слова мужа про другое: скорость, запах, эмоции и качаю головой. Нет, дело не в закомплексованности мужа. Или все-таки...? Может он надеялся, что Кира залетит, тем самым опровергнет приговор врачей и вернет Якову ощущение полноценного мужчины?

Пузырьки шампанского в бокале уже давно закончили свой танец, а я сижу и смотрю сквозь хрусталь. Какая разница, что толкнуло мужа на измену? От ответа на этот вопрос уже ничего не зависит. Он сделал то, что хотел и нашел этому оправдание.

Визуалы Жанны и Кирилла

Жанна Голубева

19 лет.

Дочь Якова.

Учится на первом курсе иняза, планирует работать переводчиком-синхронистом. Считает Машу родной мамой.

Знает несколько языков. Целеустремленная, амбициозная, эмоциональная девушка, отлично ладит с Кириллом.

Влюблена в Артура, встреча с ним и его родителями должна состояться через несколько дней.

Кирилл Голубев

14 лет

Сын Марии.

Знает, что Яков не является его родным отцом.

Перешел в восьмой класс, с учебой в школе нет никаких проблем. Несколько лет занимается фехтованием на рапирах. Выступает в личных и командных соревнованиях.

До измены считал Якова своим отцом, но затем резко изменил свое мнение. Это не коснулось Жанны, которая для Кира была и остается родной сестрой.

Не ждите чуда, чудите сами

Яков

Я сижу в машине, на пассажирском сиденье – сумка с вещами. Белье, рубашки, джинсы. Я бросал туда все подряд, без разбора.

Сука! С силой бью ладонями по рулю, ловлю ответную вибрацию. Пластику похер.

Огромному городу похер, миру – тоже. Случайным прохожим невдомек, что происходит в моей жизни, у них есть своя. Мы все зациклены только на себе.

Сегодня меня выкинули из жизни семьи. Вычеркнули. Обнулили. Примирительный ужин, на который я возлагал призрачные надежды, провален с треском.

Семья смотрит на меня, как на мусор, на недоразумение.

В глазах Машки-малышки – пустота и холод, от Жанны веяло обидой. Блядь, как я умудрился забыть про ее экзамен?! Она два дня без умолку трещала о нем, а я просрал, забыл, не поинтересовался результатом. Кирилл... тут тоже все паршиво. Презрение, разочарование и... жалость.

Разочарование колючее, унижающее, словно я – велико-возрастный кобель, который нассал в хозяйские тапки, как глупый щенок.

В тишине салона вибрация телефона кажется слишком громкой. Она бьет по натянутым нервам, заставляет дергать-

ся.

Кира.

Опять.

Отбиваю звонок, отрубая телефон напрочь. Мне нужна тишина. Закрываю глаза, упираюсь спиной в удобную спинку сиденья, закрываю глаза.

Память подбрасывает моменты недавнего прошлого. Тот день, мой Рубикон, который я перешел и не заметил.

Конец марта, начало апреля. Погоду мотает из стороны в сторону, из крайности в крайность, как бабу в период ПМС. Утром – солнце и безветрие, вечером – дождь со снегом.

Тот день был именно таким. Помню как сейчас: я выхожу из офиса и направляюсь к припаркованному автомобилю. Из серых облаков сыпется мелкая колючая морось, резкие порывы ветра бросают ее в лицо, заставляя ускорить шаг, но одна нелепая деталь заставляет притормозить.

Рядом с моим «Мерсом» стоит седан-пятилетка с открытым капотом, его хозяйка крутится рядом.

Я чуть не заржал, словив ассоциацию: крокодил пожирает свою жертву. Женщина что-то внимательно разглядывает, навалившись грудью на кромку капота, и нервно ерзает задницей то в одну, то в другую сторону. Симпатичной такой задницей, обтянутой ярко-синими джинсами.

Желание сесть в машину и ехать домой сменяется любопытством.

– У вас что-то случилось?

Женщина дергается, поднимает голову, упираясь руками в элементы двигателя. Каждое прикосновение оставляет на пыльном пластике отпечатки ее ладоней. Маленькие, аккуратные, словно это рука ребенка.

– Можно и так сказать, – грустно улыбается, убирая с лица мокрую прядь, выбившуюся из-под простенькой заколки. – Эта зараза не хочет заводиться. Не знаю, что с ней не так. Я ни черта не понимаю в двигателях. Какие-то коробки, провода, шланги. Знаю, куда заливать омывалку и где находится антифриз, остальное – темный лес.

Как назло, дождь припускает с новой силой. С потемневших от влаги волос женщины стекает вода, на ресницах дрожат хрустальные капельки. Высокая, стройная и гибкая, как лоза, она смотрит на меня так, словно я – царь и Бог, способный по щелчку пальцев решить ее проблему.

Где-то в глубине души ворочается совесть, напоминая о том, что меня ждут дома, но я отодвигаю ее в сторону и затыкаю железным аргументом: настоящий мужик никогда не оставит женщину в беде, тем более – вечером под дождем.

И я решаюсь. Захлопываю крышку капота чужого седана, указываю рукой на свой «Мерс».

– Идите, садитесь, сейчас я все сделаю.

В ярко-синих, как небо, глазах незнакомки появляются слезы и удивление, смешанное с изумлением.

– Вы что...? Вы мне поможете?! Мы же с вами даже не знакомы?

– Я сказал, идите в машину, пока не промокли насквозь, там поговорим.

– Я могу посидеть и у себя, – упирается женщина, которая с каждым минутой все больше напоминает мокрого котенка.

– В вашей машине холодно, двигатель не заводится, а вы промокли, – я отряхиваю руки и смотрю на небо: сплошная серость без надежды на лучшее. – А впрочем, делайте что хотите, я не собираюсь вас уговаривать. Вы – не маленькая девочка, сами должны принимать решения.

То ли моя холодная интонация производит нужное впечатление, а может она и правда испугалась остаться с проблемой один на один, но женщина молча достает из салона сумку, ставит машину на сигнализацию и идет к моей машине.

Ну вот, сразу бы так!

Мощный двигатель «Мерса» работает едва слышно, из дефлекторов в салон поступает поток теплого воздуха. Я щелкаю кнопкой, включаю подогрев сидений.

– Сейчас согреетесь, – быстрым оцениваю ее простенькие джинсы и китайские кроссовки, тонкий свитер и легкую куртку, которую она сняла и положила на колени.

– Мокрая, – поясняет, поймав мой взгляд. – Почти насквозь промокла, пока я стояла под дождем. В ней еще холоднее, чем без нее.

Мне, хозяину автомастерских, не приходится долго думать, как решить проблему. Самому лезть бесполезно: под

капотом – сплошная электроника, нужен специалист и оборудование, поэтому я достаю телефон и набираю нужный номер.

– Лёнь, тут машину с парковки забрать нужно и провести диагностику.

– Окей, сделаем, Яков Михайлович. Скиньте адрес. Пусть хозяин дождется, я сейчас пришлю эвакуатор, – моментально реагирует Леонид Буданов, мой лучший спец. И похер, что на часах почти восемь. Есть работа, значит нужно ее выполнять. Мое воспитание, мои кадры! Горжусь!

– Я тут рядом, мы вместе с хозяйкой васждемся, и она передаст ключи.

В тепле и тишине незнакомка расслабляется, с любопытством осматривает салон моего новенького «Мерседеса».

– Хорошо тут у вас, уютно, как в квартире, – она бросает взгляд на мою руку и улыбается еще шире. – Повезло вашей жене: такой замечательный отзывчивый мужчина достался, а мне приходится просить помощи у чужих мужей.

– А что не замужем?

– Да так, не повезло, – женщина дергает плечиком и на мгновение прикрывает глаза. – К сожалению, не все мужчины умеют быть верными.

– Это точно, – чувствую себя неловко: давненько меня никто не хвалил. И что я должен ответить на этот комплимент? Решаю обойтись парой слов и меняю тему разговора. – А ваша старушка давно начала кашлять?

Женщина не понимает, морщит лоб, нервно теребит воротник мокрой куртки.

– Какая старушка? Вы о чем?

– Я про вашу машину. Давно барахлит?

– А-а-а, – хрустальный смех заполняет салон «Мерса», прикасается к моей душе невидимыми пальчиками. – Извините, я, видимо, так замерзла, что мозги перестали работать. Дней пять фырчит и чихает, когда я пытаюсь ее завести. Думала, и сегодня все обойдется, но не повезло, да еще этот дождь... Думала, открою капот, посмотрю, она возьмется за ум и заведется, но не сложилось. Чуда не случилось.

– Не ждите чуда, чудите сами.

Я подаюсь вперед, выхватываю из рук новой знакомой мокрую куртку и бросаю на заднее сиденье.

– Так вы быстрее согреетесь, а эта тряпка почти насквозь мокрая.

Часы на панели отсчитывают минуты. Я молчу, не знаю, что сказать, и женщина перехватывает инициативу.

– Я – Кира, очень приятно познакомиться, – тянет узкую ладошку с аккуратным розовым маникюром. Пальчики холодные, но уже не ледяные, как тогда, когда я забирал у нее одежду. В тот момент наши руки соприкоснулись. Это было... приятно, неожиданно и... что-то еще.

– Яков.

– Имя у вас красивое, редкое, – отзывается женщина и переводит взгляд в окно. – А как зовут вашу жену?

– Мария. Маша.

– Тоже красивое имя. Русское, настоящее. Она такая же красивая, ее как имя?

Внутренний голос орет: «Не обсуждай с левой бабой свою семью!», а разум твердит: «В этом нет ничего неприличного, она просто спросила».

И я следую голосу разума.

– Красивая. Маша разная, переменчивая, как погода, но всегда – очень красивая.

Полюбуюсь на Киру?

Вот такой увидел ее Яков в первый раз.

Первая ложь

Буданов решает проблему быстро, как и обещал. Седан Киры загружают на эвакуатор и везут в мастерскую на диагностику, а я...

– Спасибо вам, Яков, – суется новая знакомая, когда ее машина исчезает с парковки. – Спасибо за то, что не прошли мимо, что помогли. Я вам очень признательна...

Вежливая грамотная речь приятно ласкает слух. Моя Маша такая же образованная, практически идеальная... Кира тянется к ручке двери, а я смотрю на лобовое стекло, по которому ползут бесконечные дорожки дождя. Крупные капли стучат по крыше, их барабанный бой сливается в монотонный гул. То, что начиналось с легкой мороси, переходит в полноценный ливень. Тротуары и парковка постепенно превращаются в озера, ливневка не справляется со своей работой. Весна, мать ее!

– Я тебя отвезу, адрес говори.

В тот момент это решение кажется единственно верным.

Ну куда ей выходить в такую непогоду? Промокшая, продрогшая, заболит еще. Мне не трудно подбросить незнакомку, даже если придется сделать крюк. Колеса – не ноги, сиденье – не руки, я не напрягаюсь, а «Мерс» и вовсе не заметит дополнительной нагрузки.

– Что, решил поиграть в рыцаря? – язвит внутренний го-

лос. Противный, с хрипотцой и скрытым подьемом, он свербит в груди. – Смотри, не заиграйся.

Словно чувствуя мою внутреннюю борьбу, Кира бросает весомый аргумент на чашу весов.

– Спасибо, Яков. Если бы у меня был муж или любимый, я бы ему позвонила, и он помог, но... – она на миг отводит взгляд, а когда снова смотрит на меня, в синих глазах сверкают непролитые слезы, – ... но я одна, родители умерли во время пандемии, а друзья, – передергивает плечами и обхватывает себя руками, закрываясь. В этой позе женщина кажется максимально уязвимой и беззащитной, – ...друзья оказались равнодушными приятелями.

Я молча жду, Кира называет адрес. Вбиваю его в навигатор и довольно киваю: тут ехать всего четверть часа, так что нет проблем.

До нужного дома добираемся быстро. Синеглазка дожидается, когда я останавливаю машину, выбирается из салона и стремглав несется к третьему подъезду. Дождь набрасывается на нее, словно хищник на добычу. За несколько секунд Кира снова становится мокрой, милой и смешной, как котенок. Она машет рукой на прощанье, скрывается за тяжелой дверью с новеньким блестящим домофоном.

Тик-так.

Она уходит, а я все еще стою у подъезда. Зачем? Не знаю.

Тик-так.

Время утекает, как капли дождя, настоящее становится

прошлым, а я замираю в бездействии. В голове – пустота, белый шум. Просто смотрю на закрытую дверь чужого подъезда, а затем взгляд падает на заднее сиденье.

– Твою мать!

Мокрая куртка почти сливается с черной кожей и полумраком в салоне. Ее вещь осталась в моей машине. Одежда незнакомой женщины. У Маши есть своя машина, но я могу представить, что она подумает, когда увидит это...

Выезжаю с парковки чужого дома, а сам ловлю себя на мысли, что улыбаюсь. Кира. Смешная, беззащитная. За время дороги мы не перекинулись и парой фраз. Я не знаю о ней ничего, кроме имени. Кажется, она младше Маши, а может и нет. Задавать вопрос женщине о ее возрасте – дурной тон, да и какая, собственно, разница...? Что это меняет? Сам не замечая, как доезжаю до дома. Перед тем, как зайти в подъезд, прячу женскую куртку в багажник. Как говорится, от греха подальше.

В этот вечер я возвращаюсь домой позже обычного, на вопрос жены отвечаю, что задержался по работе. Это моя первая ложь.

На следующий день Кира приходит в мастерскую, чтобы забрать отремонтированный автомобиль.

– Прикинь, оказывается, она работает помощником судьи, – бросает Лёнька, на ходу вытирая руки от грязи и машинного масла. – Умная девочка, а с виду – совсем ребенок.

– Откуда ты узнал?

– Ну как откуда? Вчера она мне вместе с ключами от машины свою визитку дала, чтобы я позвонил по готовности и сказал, сколько будет стоить ремонт, – добродушно отзывается Буданов и добавляет. – А что, нельзя было?

– Можно. Озвучь ей треть от суммы ремонта, понятно?

Ленька если и удивляется, то не показывает.

– Сделаю. Она сказала, что заберет машину в шесть.

Делает морду кирпичом и идет к следующему автомобилю. Мои мастерские пользуются популярностью и хорошей репутацией, поэтому сотрудники редко сидят без дела. Время бежит, работа кипит. Ровно в шесть Кира стоит на пороге мастерской и что-то объясняет парню, вышедшему навстречу клиенту, но я перехватываю инициативу.

– Здравствуйте, Кира.

Сегодня на ней скромное темно-синее платье безо всяких украшений, в ушах – сережки-гвоздики, тонкое колечко без камня на пальчике левой руки. Помощница судьи выглядит очень скромно и стильно.

Еще недавно я почему-то общался с ней на «ты», но сегодня все официально и вежливо, как и полагается. Народу вокруг много, даже если парней не видно за корпусами авто и стойками подъемников, я не собираюсь рисковать и переходить черту. Вчерашний день – исключение.

– Добрый вечер. Мне позвонили, сказали, что уже все готово. Я могу забрать машину?

– Да, конечно, – я киваю вглубь гаража. – Пойдемте, я

вам ее покажу. Парни провели полную диагностику, заменили все изношенные расходники, проверили системы, но вам лучше начать поиск новой машины, эта долго не продержится. Она, как говорится, на ладан дышит.

Мы идем по просторному ангару, Кира с любопытством рассматривает крутые гоночные тачки и машины бизнес-класса, стоящие в ремонте.

– Вау, вот это круто! Я ничего не понимаю в машинах, а эта старушка мне досталась от отца.

Ее скромный седан стоит чуть поодаль, намытый и натертый воском до зеркального блеска. Брелок лежит на торпеде.

– Ну вот, садитесь, запускайте двигатель, – я открываю дверь, и женщина грациозно опускается на водительское сиденье, изящным движением убирает стройные ножки, туфелька на высокой шпильке давит на педаль тормоза, а тонкий палец – на кнопку. Двигатель моментально отзывается на движение, работает ровно, урчит, как довольный кот.

– Красота! – Кира, как ребенок, хлопает в ладоши, светится улыбкой. – Яков, ваши мастера – настоящие волшебники!

Один из парней выгоняет седан на улицу, а мы возвращаемся ко входу в ангар. Женщина оплачивает ремонт, снова восторгается скоростью и качеством работы.

– Вот, возьмите нашу визитку. Если снова возникнут проблемы – звоните без размышлений. Мои парни тут почти круглосуточно работают, всегда помогут.

Жест вежливости, не более. Так я оправдываю этот посту-

пок, а кто-то внутри ехидно скалит зубы.

– Ну хоть себе-то не ври, не надо.

Кира принимает визитку и внимательно смотрит мне в глаза. Я залипаю на синих озерах, тону в их глубине, теряюсь в пространстве.

– А вы? Вы сможете помочь?

От короткого и невинного на первый взгляд вопроса по позвоночнику пробегает электрический разряд, сердце делает кульбит и слегка сбивается с ритма.

– У меня несколько мастерских, Кира, и офис, поэтому я редко сижу на одном месте. Если вдруг вам никто не ответит, то наберите меня, – переворачиваю визитку и на обратной стороне пишу свой номер. – Но это только в крайнем случае, понятно?

Она кивает, а я возвращаю хозяйке высохшую за ночь куртку.

– Спасибо, Яков.

Кира уезжает, а я возвращаюсь к работе, но мысли то и дело крутятся вокруг синеглазки.

Возвращаюсь домой и казню себя за то, что дал личный номер. Дергаюсь, когда на телефон приходят новые сообщения или звонки.

– Ты устал, – любимая жена обнимает меня со спины и утыкается носом между лопаток, гладит по плечам. – Яш, тебе нужно больше отдыхать. Давайте в выходные выберемся на базу отдыха? Весна, воздух-то какой...

– Машунь, давай позже, ладно? – я разворачиваюсь лицом к Маше, целую ее в кончик носа. – Вот открою новую точку, поставлю на ноги, запущу процесс, тогда можно будет уехать. Договорились?

– Хорошо, как скажешь.

Машка-малышка прижимается ко мне всем телом, трется, прижимается к моему паху. Заводит так, что мы едва успеваем добраться до спальни, где любимая женщина творит с моим телом чудеса, отдаваясь и открываясь нежности, страсти и похоти. Та ночь была очень жаркой.

Со временем я расслабляюсь, отпускаю мысли о Кире. Словно почувствовав это, она звонит. С момента нашей последней встречи в мастерской проходит всего неделя.

– Яков, добрый день. Вы можете мне помочь?

Звонок застает меня в офисе, за столом напротив сидит Леонид. По его взгляду понимаю: слушает, анализирует, поэтому включаю режим бизнесмена.

– Да, чем я могу вам помочь? Опять машина не заводится?

Кира как-то странно фыркает, молчит несколько секунд, потом в трубке раздается ее тихий нежный голос.

– С этой машиной все хорошо, но я хотела бы купить новую, как вы и советовали. Вы можете мне помочь с выбором? Съездите со мной в салон? Я ничего не понимаю в технических характеристиках, но знаю, что хочу красненькую. Боюсь, что менеджер втюхает ту, что подороже, а не ту, которая лучше. Сами знаете, сейчас это не одно и то же.

Буданов шевелит бровями, что на его языке означает: «Какие-то проблемы?». В ответ я отрицательно качаю головой.

– Хорошо, я свяжусь с вами и сообщу, когда мне удобно.

– Спасибо, Яков, жду вашего звонка.

Завершаю звонок и смотрю на своего лучшего спеца и друга.

– Все в порядке, просто попросили проконсультировать...

Кто бы знал, что наш первый секс с Кирой случится именно в ее новой машине.

Визуал семьи Нестеровых

Нестерова Елена Тимофеевна, она же женщина по имени
НЕТ.

37 лет.

Занимается совсем не женской работой. Старший оперуполномоченный, майор полиции.

Как говорили в одном известном фильме, характер стойкий, нордический. В порочащих связях не замечена.

Жаль, что не все мужчины способны выдержать рядом с собой «железную леди». Ее потенциальный жених Глеб Кулагин променял Елену на другую (подробности ищем в новых главах).

Позволяет себе быть слабой только в компании подруг: Голубевой Маши и Ульяновой Екатерины, с которыми ее связывают годы крепкой дружбы и рядом с сыном.

До сих пор любит и помнит отца своего ребенка, адвоката Александра Шорохова, который погиб в результате подрыва авто больше пятнадцати лет назад.

Елена – фанат своей работы. Ее главная цель – наказать виновных в смерти родителей.

Нестеров Кирилл Александрович.

15 лет

Мамина душа, ее сердце и смысл жизни, но при этом – не

сыночка-корзиночка. Спортсмен, фехтует на рапирах.

Честный, смелый, умный парень. Дружит с Демоном и Кириллом – сыновьями подруг матери.

Три семьи связывают крепкие цепи дружбы.

Она сама...

Айфон валяется на пассажирском сиденье, паутина трещин расплзлась по экрану. Надо купить новый, этот того и гляди развалится в руках при первом неосторожном движении. Гаджет сейчас похож на мою жизнь, только вот новую мне никто не предложит, и вопрос не в цене, а в принципе.

Растираю лицо, пытаюсь собраться с мыслями. Когда все пошло не так?

Прошло несколько дней с момента знакомства с Кирой.

Машка-малышка словно чувствует, что со мной что-то происходит. Кружит, заглядывает в глаза, прикасается с любовью и нежностью, а я... я как последний мудака пытаюсь представить, какими могли бы быть прикосновения другой женщины.

Киры.

Фантазия подпитывается выбросом адреналина, от этого картина становится ярче, обретает остроту, новизну и постепенно превращается в наваждение. Я стискиваю зубы и прогоняю морок, но он возвращается всякий раз, стоит только мозгу ослабить повод.

Табу.

Харам.

Запрет.

Нельзя.

Запретный плод сладок тем, что ты не знаешь его вкуса. Фантазируешь, гадаешь, предполагаешь, визуализируешь. Воображение зашкаливает, захлебывается. Остро, опасно, непредсказуемо. Кровь разгоняет по телу ядовитый коктейль гормонов, он толкает на сумасшествие.

Пока сотрудники салона оформляют старую машину в trade-in и занимаются оформлением кредита на новую, мы ходим по территории, осматриваем другие модели. Так, ради развлечения, для разнообразия. Пьем кофе, делимся воспоминаниями о смешных или страшных случаях на дороге. Время течет медленно, как полноводная река по равнине.

– У-и-и! – Кира визжит от восторга, когда к крыльцу подгоняют ее новый серебристый паркетник. Женщина похожа на маленькую девочку, у которой исполнилось заветное желание.

Я стою в стороне, сложив руки на груди, и с улыбкой наблюдаю, как синеглазка в третий раз обходит машину кругом, как новогоднюю елку, а потом снова пищит от восторга и бросается ко мне.

– Яков, спасибо!

Ее губы прикасаются к моей щеке, тонкий аромат цитрусов наполняет легкие. Девочка-праздник светится, как Сириус на ночном небосклоне, и ее радость, восхищение настоящие. Они горят во взгляде, согревают в улыбке. Я впитываю эти эмоции, как песок в пустыне – капли воды.

– Очнись, мразь! – ревет внутренний голос. – Ты что тво-

ришь?! Включи мозг, а если он совсем вышел из чата, то отключи яйца, пока не натворил бед!!!

Машка-малышка... Ее образ на миг возникает в памяти, глаза смотрят с укоризной, губы поджаты. Трясу башкой, как собака, изгоняю досадную помеху.

– Я не делаю ничего предосудительного, это просто радость, – оправдываю себя, как последний мудак, не замечая, как мои руки лежат на плечах Киры, которая что-то воркует о платной парковке и страховке. – Я просто помогаю женщине выбрать машину, это нормально, ведь она в этом абсолютно не разбирается.

Кира поднимает голову и смотрит мне в глаза.

– Спасибо. Ты сам не знаешь, какой ты замечательный, – ее пальцы ложатся на мою щеку, оставляют после себя ощущение прохладного ветерка. – Яков, я так рада, что мы встретились в тот вечер! Ну что, прокатимся на малышке? Можно нарушить пару правил, пока номера не поставили.

Кира лукаво улыбается и подмигивает, открывает дверь, занимает водительское кресло, а я стою, как приколоченный. Ноги не идут, все системы мигают красными лампочками.

Я знаю, что замечательный. Маша часто говорит, как ей повезло со мной, а детям – с отцом. У меня отличная семья, а Кира, она просто знакомая. Яркая комета, которая пролетает по ночному небу, оставляя за собой яркий шлейф, и исчезает во тьме.

Пока синеглазка настраивает под себя сиденье и руль, ре-

гулирует положение зеркал, я вспоминаю, как два года назад жена радовалась покупке нового авто. Мы выбирали его вместе, дети были рядом. Несколько салонов, четыре тест-драйва. Я думал, что тот день никогда не закончится, но в конце концов Маша остановила выбор на корейском внедорожнике. Она радовалась, но более спокойно, что ли, сохраняя лицо и сдерживая эмоции.

– Я уже мама, большая девочка, мне не по возрасту хлопать в ладоши и пищать от радости, но на самом деле я очень рада, Яш, – шептала, обнимая меня за руку, прислоняясь плечом к моему плечу. – Это так здорово!

Кира была похожа на ту Машу, которая...

Хотя нет, даже в самом начале, когда мы встретились, Машка-малышка не была такой легкой и беспечной с годовалым сыном на руках. Кира – ее более яркая версия, рядом с которой я чувствую себя не отцом семейства, а молодым успешным мужиком, у которого еще вся жизнь впереди.

Голос Киры возвращает меня в реальность.

– Ну что, поехали?

– Да. Аккуратно стартуй, не гони и едем на заправку.

Этот день я посвящаю новой знакомой, разделяю ее восторг и радость. После заправки мы кружим по городу, останавливаемся в кафе, чтобы перекусить, и снова отправляемся в путь. Кира ведет машину за город, а я в который раз замечаю, как плавны ее движения, как она заранее включает поворотники и осторожно маневрирует. Яркая и эмоцио-

нальная, за рулем женщина превращается в настоящего профи. Наверное, она очень хороший помощник судьи, исполнительный, аккуратный и трудолюбивый.

– Давай кое-куда заглянем, – Кира включает поворотник и сворачивает на узкую проселочную дорогу, ведущую через березовую рощу. – Мне нравится это место, я частенько езжу сюда отдыхать.

Нам везет с погодой: несколько дней подряд светит солнце, теплый ветер ласкает кожу. Здесь и правда красиво. Вечереет. Березовая роща заканчивается, открывая вид на небольшую реку. На том берегу – деревня. Старые бревенчатые дома словно сошли с кадров черно-белого кино. Даже отсюда видно, что некоторые крыши провалились от ветхости, заборы покосились. Чувствую себя так, словно прокатился на машине времени в свою беззаботную юность. Небо темнеет, солнце медленно идет на закат.

Хорошо!

Дышу полной грудью, чувствую, как Кира касается моей руки, сплетает пальцы.

– Спасибо тебе, Яша. Ты не представляешь, что для меня сделал.

Она встает напротив, узкие ладони поднимаются вверх по рукавам моей куртки, поправляют воротник, словно невзначай касаются шеи. Тело простреливает электрическим разрядом, в паху становится тесно и горячо, кровь вскипает за несколько мгновений.

– Яков...

Ее губы касаются моего подбородка, а руки тянут меня к себе. Ниже, еще... Кира такая маленькая и хрупкая, как фарфоровая статуэтка. Не разбить бы...

Наше дыхание смешивается, по венам шпарит адреналин и похоть. Тонкие пальцы в моих волосах, синие глаза таинственно мерцают, дразнят, очаровывают.

– Я только попробую, – уговариваю себя как последний мудак, как подонок, и срываю с мягких губ первый легкий поцелуй.

Кира тихо стонет, а я жру эти звуки, как хищник, с трудом перезимовавший без нормальной добычи. Член наливается и встает колом, пульсирует, заставляя вжимать тело женщины еще крепче, пальцы поднимают подол платья, скользят по тонким колготкам. Кира пахнет... Боже, как он пахнет! Запах текущей самки сносит остатки контроля. Я сгребаю хрупкое тело в объятия и несу в машину.

Я попробовал все.

Призраки во "Тьме"

Мария

Чувствую, как меня накрывает лавиной событий.

Почему в моей жизни все происходит по принципу «то густо, то пусто»? Еще недавно я не знала, чем заняться, а сейчас...

Хаос в семье, соревнования Кирилла, влюбленная Жанна, знакомство с родителями Артура. Неслабо, да.

О, еще один пункт забыла! «Тьма»!

Это название идеально вписывается в мою реальность!

А-а-а-а! Остановите землю, я сойду!

Выливаю в раковину остатки шампанского, мбю бокал, словно пытаюсь привести в порядок свою собственную жизнь. Хрен вам! Все это – обман, иллюзия, имитация.

Да, когда Яков ушел, дышать стало легче, но боль никуда не исчезает и, наверное, не стоит ждать, что она пройдет так быстро.

Дети уже видят десятый сон, а я сижу на кухне и кручу в руках телефон.

– Он не позвонит, – ехидно скрипит внутренний голос. – Не жди, не трать время. Ты сказала Якову все, что хотела и послала на хер, а он пошел. Что тебе еще нужно?

Так-то ничего не нужно, я рада, что муж ушел, но все равно...

На душе мутно, пасмурно.

Вздрагиваю, когда гаджет начинает светиться входящим от Лены.

«Девочки, я перенесла наш поход на завтра. Готовимся, нас ждет «Тьма».

Неуемная женщина по имени НЕТ* постоянно фонтанирует идеями и отличным настроением. И как только сил хватает? Не понимаю!

Ленка – железная леди, опер со сложной судьбой. Ломаная и битая жизнью, она все равно улыбается и верит в лучшее.

Ладно, буду двигаться шаг за шагом. В конце концов, не я первая, не я последняя попала в жернова измены.

Закрываюсь в ванной комнате, смотрю в зеркало. Да, видок так себе. Как говорится, обнять и плакать. Смываю макияж, становлюсь еще больше похожа на панду. Темные круги под глазами, пепельный оттенок кожи. Ох...

Остается надеяться на исцеляющую силу сна. Отключаюсь на ходу, глаза закрываются еще на полете к подушке, уставшее тело переходит в режим энергосбережения.

Утро нового дня начинается не с кофе.

– Мам, ты уже три будильника подряд пропустила, – тербит меня за плечо Кирилл. – С тобой все в порядке? Ты всегда раньше всех вставала, а тут такое...

Дергаюсь от неожиданности, возвращаюсь в реальность из цепких лап тяжелого сна, больше похожего на морок, на вся-

кий случай натягиваю одеяло повыше: вчера я так быстро вырубилась, что не успела надеть пижаму и уснула голой.

Вижу сына и Жанну, которая сидит в изножье нашей с Яковым кровати и смотрит на меня тревожным взглядом.

– Что?! Сколько сейчас?!

– Да еще нормально, но как бы уже пора вставать, – Кир отходит в сторону и укоризненно качает головой. – Мам, ты не пугай нас с Жанкой, ладно? Мы не знали, что думать, когда ты на будильники не отреагировала, систер даже предложила скорую вызвать.

– Обойдемся без скорой. Ладно, спасибо, что разбудили, а теперь кыш отсюда, мне одеться надо!

Дети исчезают, а я вынырываю из мягкого кокона одеяла и потягиваюсь, как кошка.

Здравствуй, новый день.

В большой спальне, как и в кровати, рассчитанной на двоих, чувствую себя девочкой-потеряшкой. Ничего, со временем привыкну.

Иду в ванну, умываюсь, привычно кручусь перед зеркалом, резюмирую: сегодня я выгляжу лучше, чем вчера, и это радует.

Первые шаги всегда даются с трудом.

На кухне царит привычная суэта: дети накрывают на стол, я жарю сырники. Кофемашина гудит, перемалывает зерна, разливает по чашкам капучино. В воздухе витают аппетитные запахи кофе и ванили.

Я привычно орудую лопаткой, переворачиваю подрумяненные золотистые шайбы, а в голове крутится один и тот же вопрос: что решит Жанна? Уйдет жить к отцу или останется со мной и Кириллом? Вчера вечером я несколько раз ловила на себе задумчивый взгляд дочери.

Покрутив варианты, понимаю, что приму любое ее решение. В конце концов, Жанна уже взрослая, имеет право жить с любым родителем. Наверное, я неправильная мать, потому что не готова ложиться у порога и произнести патетическое: «Только через мой труп!».

Неправильная, зато честная.

А еще я – трудоголик до кончиков пальцев. Со спокойной душой оставляю детей дома – эти двое всегда найдут чем заняться – и отправляюсь в офис. Круговерть с клиентами и новыми объектами под аренду и продажу захватывает меня с головой. Вынырываю на поверхность, когда Ленок напоминает о предстоящей встрече.

«Девочки, все готовы? Встречаемся через полчаса.»

Отправляю улыбающийся смайлик, Катя присылает короткое «всегда готовы». Отлично!

На парковке перед пафосным заведением с мерцающими буквами на фасаде уже припаркован мотоцикл Нестеровой, а сама женщина по имени НЕТ* стоит рядом. Я с легкой завистью смотрю на хрупкую фигурку, упакованную в кожаные облегающие брюки и темный кроп-топ. Не женщина, а фарфоровая статуэтка редкой красоты.

Кожанка и черный шлем с тонированным визором висят на руле, а их хозяйка о чем-то непринужденно беседует с незнакомым мужчиной, который, если верить эмблеме на рукаве, является охранником «Тьмы». Рыжие волосы подружки горят медными всполохами в лучах вечернего солнца.

Лена прекрасна, ее хрупкость обманчива и опасна для мужчин.

Пока я осторожно паркуюсь неподалеку, стараясь втиснуть машину в щель между пафосными «Мазератти» и «Бентли», в поле зрения попадает машина Кати.

Отлично! Наши в сборе!

– Привет!

Мы обнимаемся, переглядываемся, предвкушаем.

Холл «Тьмы» встречает нас множеством зеркал на стенах, свечами и вежливым администратором. Мы сдаем сумки, дотошный администратор просит подтвердить, что телефоны и зажигалки тоже оставлены в ячейках хранения.

– Не должно быть никаких источников света, – объясняет миловидная девушка. – Это правило действует для всех без исключения.

– Надо так надо, – спокойно и даже как-то безразлично отзывается Ленка. – Если что, мы и наощупь найдем выход.

– Если что-то понадобится, к вам сразу подойдет официант и поможет решить любую проблему, – замечает администратор.

Ах, да, я днем успела нырнуть дебри интернета и прочи-

тала, что «Тьма» – это ресторан, в котором, во–первых, темно, а во–вторых, ты не знаешь, какую еду тебе подадут.

Ну, Ленка, ну любительница приключений!

– Меня зовут Николай, – парень в темных очках склоняется в легком полупоклоне и ведет нас по длинному коридору. – Встаньте паровозиком, положите руки друг другу на плечи.

Мы выполняем команду и идем за официантом. Смешно, правда. И немного страшно, а еще интересно.

Коридор сменяется небольшим тамбуром с горячей свечой, стоящей на маленьком столике. Когда дверь в тамбур закрывается, Николай дует на пламя, и мы погружаемся в темноту.

– Пожалуйста, положите руки мне на плечи и следуйте за мной.

Сделав несколько шагов, наш «паровозик» оказывается в зале ресторана.

«Тьма» – это не красивое слово, это реальная непроглядная чернота, абсолютная потеря системы координат. Мы идем друг за другом, а потом наощупь рассаживаемся за столом, судя по ощущениям – овальным по форме.

– Твою мать, – шипит Катька, задевая рукой какой-то прибор, который громко стучит по тарелке. – Ни черта не видно!

– Пока у вас есть время, можете ознакомиться с сервировкой, – голос Николая звучит откуда-то сбоку. – Не спешите и не стесняйтесь, здесь можно все. Если что-то упадет, я сразу же заменю, так что не стоит волноваться и стесняться.

– Я так понимаю, что бой посуды входит в ценник, – в голосе Кати звучит улыбка, а я тихо хихикаю в ответ.

– Да уж, за такую сумму в «Высшем свете» можно наесться до отвала, да еще на чаевые останется!

Так, что тут у нас...

Наощупь нахожу тарелку, вилку, ложку и нож, едва не опрокидываю фужер. Тьма кажется такой плотной, что ее можно резать ножом, как торт. Это не сумрак, когда ты видишь контуры предметов, а абсолютная чернота. Зрение оказывается бесполезным, приходится подключать руки.

– Господи, кто это придумал?! – я едва не взвизгиваю, когда мои пальцы касаются руки Лены. – Ни зги не видно! Как мы есть будем?!

Я слышу, как шуршит пальцами по скатерти Катя, сидящая напротив, как Ленка берет приборы и возвращает их на место. Едва слышно звенит хрусталь, когда по нему задевают металлом. Кажется, женщину по имени НЕТ эта темнота ничуть не напрягает.

– Спокойно поедим и пойдем. Маш, ты главное расслабься и брось на колени салфетку. Нашла ее?

– Нашла, – недовольно ворчу, представляя, как буду выглядеть после того, как закончится этот странный ужин и гадая, сколько еды окажется на полу и на моей одежде. Хорошо, что я послушала совета подружки и не стала наряжаться.

Пока мы ждем официанта, обсуждаем то, чего не видим.

– Судя по всему, зал достаточно большой. Сегодня у них

полная посадка, а это около пятидесяти человек, – рассказывает Нестерова. Ее голос тих и расслаблен, а меня уже слегка потряхивает от адреналина.

– Откуда ты это знаешь? – не выдерживает Катя. – Ты тут уже была?

– Не-а, это мой первый визит. Я просто слушаю и слышу, анализирую. Голосов много, они звучат отовсюду, значит мы почти в центре зала. Судя по голосам, люди сидят достаточно далеко, значит помещение просторное.

– Наша Ленка – женщина-кошка, которая видит в темноте, – не выдерживаю, подпускаю шпильку, слышу довольное фырканье подруги.

– Ты тоже так можешь просто перестань напрягаться.

Я пытаюсь. Закрываю глаза, которые бессильны против тьмы, расслабляюсь, прислушиваюсь. Откуда-то сверху льется тихий джаз, справа доносится женский смех, ему вторит приятный мужской баритон. Щеки касается воздушная волна, и я понимаю, что рядом прошел официант. Очень интересно! Новый опыт захватывает, и я продолжаю изучать незнакомое пространство.

Голоса, голоса, музыка, стук приборов, звон металла по каменному полу: кто-то уронил прибор. Чей-то недовольный вскрик сменяется тишиной, а затем – разговором.

Внезапно по спине ползет странная волна колючих мурашек... Слух обостряется до максимума, и я слышу знакомый голос и грассирующий звук «р», больше похожий на хрип-

ловатый горловой рокот.

Нет, этого не может быть!

Мужской голос перекрывается женским, взрыв смеха и звон бьющегося стекла режут натянутые нервы.

Нет.

Ну нет, нет.

Просто показалось.

Так не бывает.

Это мое воображение, память и непроглядная тьма внезапно воскресили призрак из прошлого.

– Маш, ты что? – моментально реагирует Лена, находит мою руку и трогает пальцы. – Что с тобой? Ты что, замерзла?

Я не то, чтобы замерзла, меня трясет. Не от страха, от неожиданности. От шока.

– Нет, не замерзла, это моя обычная реакция на стресс. Когда уже нам принесут ужин? Я голодная, как волк!

Пытаюсь переключить внимание и доказать себе, что все в порядке, но все тот же мужской голос продолжает звучать из темноты, отбрасывая меня в далекое прошлое.

*История Лены уже стартовала, не пропустите!

Поговорим о том, о сём...

– Маш, все в порядке? – раздается совсем рядом взволнованный голос Кати. – Машунь, если что-то не так, то ну его к черту, давайте убираться отсюда! В конце концов можно поесть и в другом месте.

– Не надо, у меня все в порядке, просто иногда в темноте оживают призраки, – я собираю волю в кулак, гоню прочь воспоминания.

Девчонки не виноваты, что мое разыгравшееся воображение рисует картину, которая поднимает дыбом волосы на руках и разгоняет головную боль.

– Дамы, ваш заказ...

Знакомый голос официанта звучит откуда-то сбоку... Кто его знает, откуда он появляется! Я вообще перестаю понимать, что где расположено и, если, не дай Бог, придется срочно искать выход, я заблужусь в трех соснах и буду биться о стены, как муха о стекло.

Воспринимать мир на слух – новый опыт.

А еще – по запаху.

Тоже забавно, да.

Тарелки мягко постукивают по столу, я делаю глубокий вдох, пытаюсь определить по запаху, что мне принесли. На рыбу точно не похоже, специи не те, значит мясо.

– Приятного аппетита, – мужчина замирает где-то непо-

далеку, а может и вовсе уходит.

Ох уж эта тьма, она скрывает все и всех!

Любопытство пересиливает стресс, и я отдаюсь процессу, а это оказывается не так-то просто!

– М-м-м, у меня стейк, – медленно пережевываю маленький кусочек, смакую, анализирую. В темноте не хочется торопиться, вернее, не получается, даже если захочешь. – Вкусно. Прожарка средняя, как я люблю, и овощи хрустящие, а не вареные.

Слышу, как подружки гремят приборами, тихо матерится Ленка.

– Вот же сука, улетела куда-то, – шипит, как кошка, облитая водой. – Уже второй кусок отрезаю, а он сваливается с тарелки.

– Судя по описанию, у тебя птица, поэтому она летает, – хихикает Катя, – а мне досталась рыба. Вкусно, между прочим. Заливка нежная, сливочная, с кислинкой, все как я люблю...

Увлеченная беседой, перемежающейся с ловлей падающих кусков еды и осторожным поиском бокала, я напрочь забываю о том самом голосе, а когда вспоминаю, то уже не слышу его в общем шуме.

Фух, значит просто показалось, и слава Богу. Слуховые галлюцинации, да.

Мы выходим из ресторана, когда на улице уже совсем темно. Глаза постепенно привыкают к свету, который в первые

моменты кажется слишком ярким, слепящим.

– Мне понравилось, – резюмирует Ленка, смотрит на свои брюки и недовольно цокает, – правда изгваздалась, как свинья, даже салфетка не спасла. Надеюсь, что эти пятна отстираются.

– Было неплохо, только я не уверена, что в ближайшее время мне захочется повторить этот эксперимент, – вторит Маша, а я киваю, как китайский болванчик, соглашаясь с обеими.

Да, это был интересный опыт.

И голос с грубированным «р» тоже был.

Или все-таки мне показалось?

Темнота надежно скрывает людей и ответы на вопросы.

Все, что случилось во «Тьме», там же и остается.

Я возвращаюсь домой и со стоном выдыхаю, замечая у подъезда машину Якова.

– Господи, ну что тебе надо? Кажется, мы договорились...

Меньше всего хочется выяснять отношения на ночь глядя, но кто бы меня спросил. Широкоплечая фигура мужа подпирает старый клен, растущей неподалеку. Я прибавляю шаг, но останавливаюсь, услышав тихий голос.

– Маша, постой, не спеши. Давай поговорим.

– Шо, опять? – срывается с языка популярный мем из мультфильма, но муж делает вид, что ничего не услышал.

Как любой женщине, которой изменили, мне хочется видеть предателя жалким, раскаявшимся и потрепанным, но

с Голубевым эти мечты разбиваются о реальность. Яков по-прежнему хорош собой, гладко выбрит и одет в идеально выглаженный костюм. Туфли начищены до зеркального блеска, из рукавов пиджака выглядывают манжеты чистой свежей рубашки.

Привычным быстрым взглядом оцениваю образ мужа и чувствую, как в груди острыми когтями царапается ревность и кипит обида. Интересно, кто собирал его сегодня утром? Раньше этим занималась я, а сейчас...?

Яков на лету схватывает мои мысли и пытается оправдать-ся. Да, когда столько лет живешь бок о бок, прорастаешь в своего партнера и читаешь его, как открытую книгу.

– Маша, ты не подумай лишнего, просто я сдаю вещи в химчистку и забираю...

– Да мне как-то все равно, Яш. Пофиг, честно. Ты зачем пришел? Кажется, мы договорились, что встретимся на суде. Катя уже подготовила документы, скоро будет известна дата заседания...

– Машунь, давай все отменим, – муж пытается обнять меня за плечи, но я отступаю на шаг и качаю головой.

– Нет, Яш, мы ничего не будем отменять. Два месяца измен – это не случайность и не ошибка, это выбор. Каждый раз ты предавал меня и детей, каждый раз выбирал не нас, теперь прими наше решение.

– Я поговорю с Жанной, и после развода она переедет ко мне! – повышает голос Голубев. Решил поменять тактику?

Лучшая защита – это нападение? Я в ответ пожимаю плечами и делаю шаг в сторону подъезда.

– Нет проблем, если решит, значит так и будет. Я не буду удерживать Жанну насильно, она уже большая девочка. Что-то еще?

– Маша, не надо, – Яков пытается встать на моем пути, но я молча обхожу его и продолжаю движение к цели. – Не рушь семью. Я признаюсь, что ошибся, что облажался, – он с силой растирает шею и на мгновение закрывает глаза. – Да черт! Да, я предал вас, но это мой единственный косяк за все время! Первый и единственный за тринадцать лет, Машунь!

Меня бесит попытка мужа оправдаться!

Ненавижу!

Презираю за то, что он хочет заставить меня забыть об измене, о предательстве! А-а-а!!! Чувствую, что закипаю. Еще немного и я сорвусь! Ярость возникает из ниоткуда, поднимает голову, показывает острые зубы и раздвоенный язык.

– Ошибаешься, Яков! Каждый твой поход налево – это отдельный грех, ведь каждый раз ты возвращался от нее ко мне и делал вид, что все в порядке! Ты врал, лапал меня грязными руками, на которых был запах другой женщины, и я даже думать не хочу, где до этого побывали твои губы, потому что иначе меня сейчас стошнит! Шестьдесят предательств, шестьдесят измен! Жаль, что в нашем кодексе нет такой статьи, но по моим меркам это тянет не на пожизненное, а на расстрел!

– Не шестьдесят... – от моей агрессии Голубев теряется, отступает на полшага, а я пользуюсь моментом и уже почти у цели. – Машка, не шестьдесят...

– Да мне плевать на статистику, Яша! Плевать! Пятьдесят, шестьдесят или еще сколько-то... Это просто цифры! Ты перестал быть моим любимым мужчиной, когда залез на Киру, так что смирись с этим! Кстати, ты еще можешь стать счастливым отцом, ведь, если я не ошибаюсь, вы не предохранялись! – меня снова захлестывают эмоции. Казалось, переболела, перегорела, но нет. – Господи, Голубев, у тебя не хватило мозгов, чтобы позаботиться о контрацепции! Я в ахуе!

Я прикладываю к домофону таблетку-магнит и, услышав пиликанье, тяну на себя тяжелую дверь.

– Яш, не приходи сюда, это бесполезно. Не мотай мне нервы. Если любишь, как говоришь, простопусти. Мы разведемся в любом случае, так что ты уже можешь начинать жить новой жизнью. Даже не знаю, желать тебе стать папочкой еще раз или нет.

Я почти скрываюсь за дверью, когда мне в спину прилетает тихий вопрос.

– А ты? Ты тоже будешь жить новой жизнью? А ты сможешь, Мышка?

– Смогу, Яша, смогу. Надеюсь, что в следующий раз я увижу тебя только на встрече с родителями Артура.

Дверь закрывается за моей спиной, едва слышно щелкает замок домофона. Перед глазами стоит лицо мужа, когда он

услышал мой ответ.

Шок, обида, разочарование.

Да, милый, я возвращаю тебе твою же боль. Ты думал, что я все возьму себе? Что буду есть ее ложкой и делать вид, что все в порядке? Ничего подобного! Я отдам тебе половину, и ты будешь давиться ею. Пусть она отравит твою жизнь, как уже сделала это с моей.

Я смогу жить новой жизнью.

Смогу.

Остается только надеяться, что тот голос во «Тьме» был плодом моего воображения, потому что, если нет...

Нет, этого просто не может быть!

Я стою в лифте, смотрю на свое отражение в серебристой поверхности двери.

Прошло почти пятнадцать лет.

Целая жизнь, которая изменила меня изнутри и снаружи.

Он не узнает меня, а я – его, ведь призраки не живут так долго.

Или все-таки живут?

Клетка

Яков

В моей жизни творится какая-то хуйня. Не знаю, как это назвать иначе.

То, что недавно казалось глотком свежего воздуха, резко теряет новизну и важность.

Как только Маша узнает о Кире, адреналин и острота ощущений от общения с любовницей тают, как снег под лучами солнца, превращаются в грязь.

Оказывается, что Кира – такой же набор дырок с точки зрения физиологии, а ее грудь с нежно-розовыми сосками, приоткрытый рот, синие глаза и пухлые губки – это просто тело. Тело, сука! Которое ничуть не лучше тела моей жены!

Я сижу в машине, притормозив у дальнего подъезда, и уже издалека вижу её – Киру. Она стоит под фонарём, закутавшись в длинное пальто, будто статуя, неподвижная, но с тревожно горящими глазами. Опять. Опять она здесь.

Не проходит и недели с нашей последней встречи, а она становится моей тенью. Кира не просто появляется в моей жизни — она караулит, дежуря на краю моей жизни, словно часовой у чужого замка.

Наверное, так происходит со всеми, кто решается на измену. Все начинается прекрасно. Сначала это кажется страстью. Мне льстит, что кто-то так одержим мною, что кто-то

ждёт меня, как спасителя, хочет, как мужчину.

Когда все тайное становится явным, я чувствую только тяжесть и разочарование. Ощущение, что свет обнажил уродливые черты происходящего, которые так удобно скрывали безликие безразличные гостиничные номера, не проходит. Трах с любовницей – это просто трах, но не любовь.

Каждый её звонок, каждый неожиданный приход, каждый вопрос: «Ты думал обо мне?», «Ты её любишь?», «Почему ты до сих пор не ушёл?» — звучат как обвинение. Или как мольба. Или и то, и другое.

Я пытаюсь держать дистанцию, но эта женщина снова и снова находит меня в огромном городе. Иногда кажется, что в моей машине или в телефоне установлен жучок или программа слежения, но проверка собственной службы безопасности подтверждает, что я чист.

Два месяца...я с ней всего два месяца.

– Каждый твой поход налево – это отдельный грех, ведь каждый раз ты возвращался от нее ко мне и делал вид, что все в порядке! – звучит в голове голос Машки.

И она права! Сука, как же я вляпался! Я сам себя не прощаю и понимаю, что теряю семью. Уже потерял!

Так удобно винить во всем женщину, но я признаю, что позволил мысль об измене, а потом ее воплотил. Кира просто сделала первый шаг, а я не остановил, не запретил. Что не запрещено, то разрешено, и она вошла в открытую дверь.

Я мог просто помочь с машиной и забыть, но не смог

остановиться. Зачем? Почему? Кира назначила меня рыцарем-спасителем, и я, как последний идиот, впрягся в чужую роль, хавая восхищенные взгляды, слова благодарности и то, как чесалось и раздувалось от важности мое эго от комплиментов и тихих вздохов. Герой, блядь!

А теперь Кира сожалеет.

– Я не хотела разрушать твою семью. Я просто... влюбилась, – и глазками хлоп-хлоп. Еще недавно я бы умилился, а сейчас смотрю и охуеваю от самого себя: как я мог повестись на такой банальный подкат? Я, Яков Голубев, растекся лужей перед девкой, которая просто посмотрела на меня снизу вверх и... Бля-я-я... Мерзко от самого себя.

Я часто вспоминаю Машку-мышку. Ее спокойные плавные движения, когда она готовит ужин, смех, который греет, изящное движение, когда она откидывает на спину длинные волосы. Её молчание, в котором нет упрёка, а есть понимание. Я предал ее — и не ради любви, а ради иллюзии. Ради ощущения, что всё может быть ярче с кем-то другим.

Облажался. Я обосрался по полной программе и пытаюсь сделать так, чтобы никто не замечал, как от меня воняет, я хочу, чтобы этот мерзкий запах признали нормальным, но мне отказывают, и я бешусь. Схожу с ума от бессилия.

Я глушу двигатель. Сижусь. Смотрю в лобовое стекло.

– Прости, – шепчу, не зная, кому: Марии, Кире... себе.

Но прощение не приходит. Только холод. И осознание: любовница, которая меня караулит у подъезда, — не любовь.

Это тюрьма, клетка. А я больше не хочу быть заключённым — ни в чужой страсти, ни в собственной вине.

Только выхода из этой тюрьмы еще не придумали: рассказ перед семьей не работает, а возвращение к Кире вызывает отторжение. Где третий путь? Не вижу!

Я плохо сплю и часто просыпаюсь среди ночи. Не от шума, не от звонка — от тишины. От той гулкой пустоты внутри, которая наступает, когда я вспоминаю лица своих детей. Кирилла, уже почти взрослого и осознанного, с серьезным взглядом, и Жанну, тонкую и нежную, как ветка ивы, с глазами, полными вопросов, на которые у меня нет ответов.

Я встаю среди ночи, иду на кухню и ставлю чайник. В тусклом свете ночника листаю старые фото на телефоне. Наши отпуска, пикники, дни рождения детей и Маши. Именно тогда я чувствовал себя всемогущим, важным и нужным. Меня обнимали, любили. Я был центром вселенной трех людей.

Всё это было до. До Киры. До лжи. До того, как я исказил реальность в первый раз и встал на тропу измены.

Кирилл меня не простит, а Жанна... Во время последнего разговора я снова нес дичь, хотя долго готовился. Как-то так получается, что в голове слова имеют смысл и легко выстраиваются в логическую цепочку, но, вылетая наружу, превращаются в нелепые оправдания и угрозы.

— Я поговорю с Жанной, и после развода она переедет ко мне!

Бля-я-я... куда деваются мои мозги? Под холодным от-

страненным взглядом жены я теряю контроль над своим языком. Чему я могу научить дочь? Понимаю, что в моей власти сделать так, что Жанна и правда переедет ко мне, но что потом? Радость, что я уел Машу? Или уверенность в том, что дочке будет лучше рядом с отцом-предателем?

Бросить бы объяснения к чертовой матери, схватить Машку, затащить ее в спальню и качественно оттрахать до сорванного голоса, до слабости во всем теле, но это – не выход из ситуации, а где выход – я не знаю. Не вижу. Не понимаю.

Знаю только одно: сейчас мне лучшее отпустить жену и дать ей выдохнуть. Пусть расслабится, отвлечется на что-то другое. Впереди знакомство с родителями Артема... Тьфу, то есть Артура, а значит у меня есть шанс.

Шанс быть рядом как муж, как отец.

– Кажется, это твое последнее показательное выступление, – ехидно замечает совесть. – Просрешь, второго не будет.

Нам всем нужна пауза, перерыв, чтобы улеглись эмоции. Я начну все с нуля. Главное, чтобы за это время никакой мужик не положил глаз на мою Машу. Она – идеальная женщина, само совершенство, но досталась мне, распиздяю и долбобоебу. Не отдам никому. На коленях стоять буду, вымолю прощение.

Кира... Пора решить этот вопрос.

Переключаю скорость на режим drive, медленно газую и

останавливаю машину у своего подъезда. Открываю дверь, выхожу и ставлю машину на сигнализацию.

– Яша... – она бросается ко мне, а я мгновенно узнаю интонации. Те самые, на которые повелся два месяца назад в дождливый вечер на парковке у офиса.

– Кира, нет, – я с трудом отцепляю тонкие пальцы, которые ухватились за мой рукав, – все, хватит. Между нами все кончено.

– Как же так, Яш... А как же беременность? А наш ребеночек?

Неприятная тема поднимается из глубины на поверхность, но боли в моем теле уже слишком много, она служит отличной анестезией, и я режу правду-матку.

– Какой ребеночек, Кир? Чей? Я бесплоден уже много лет.

– Не может быть...

В синих глазах плещется ужас, изумление и шок, а мне становится чуточку легче.

– Может, Кир, может. Но если ты уверена, что беременна от меня, то завтра мы едем в больницу и вместе идем к гинекологу. Если он подтвердит наличие ребенка, то ты делаешь тест ДНК.

– А как же наша любовь?

Ой, бя! Хочется разбежаться и со всей дури стукнуться башкой о стену. Когда я решил, что Кира – умная, чем я руководствовался?

– Не было никакой любви, Кир! Похоть была, адреналин,

трах, но не любовь, — я вижу, как ее ломает от моих слов, но добиваю. — Так что, завтра едем в больницу или нет?

— Ты жесток, Яша. Я не ожидала, что ты так поступишь...

Она качает головой, обхватывает себя руками, словно защищаясь от меня, как от чудовища, и чека слетает.

Я в два шага сокращаю расстояние, хватаю ее за волосы и дергаю на себя, заставляя смотреть в глаза. В синих глазах блестят слезы. От боли? От разочарования? Похуй!

— Ты видела, как я предал свою семью, детей, изменил им с первой встречной, и решила, что я — принц? Ты серьезно?!

— Яша, но я...

— Ты — шлюха, Кира, потому что раздвинула ноги перед женатым мужиком, а я — последняя тварь, потому что повелся на твою пилотку. Мы стоим друг друга, мы — два мерзавца, только я хотя бы отдаю себе в этом отчет, а ты продолжаешь жить в иллюзиях.

— Яша...

— На этом все, — я убираю руку от ее головы и поворачиваюсь к Кире спиной. — Не приходи больше, не надо. Не зли меня, понятно?

Достаю связку ключей, подношу магнитный пятак к домофону. Перед тем, как войти в подъезд, бросаю на женщину прощальный взгляд и понимаю, что этот разговор не последний.

Нихрена она не поняла и понимать не хочет, значит придется действовать жестче. Но это — позже. Сейчас нужно по-

нять, как использовать последний шанс и попытаться вернуть семью. Встреча с родителями Артура не за горами.

Компромисс

Маша

Я вхожу в квартиру и тут же попадаю под сканирующие взгляды.

– Что? – не выдерживаю затянувшегося молчания. Кирилл стоит, прислонившись плечом к стене, дочь подходит ближе и рассматривает меня так внимательно, что я начинаю нервничать. – Да что случилось?! Говорите уже, хватит молчать!

Голос взлетает вверх, я моментально чувствую себя неловко за то, что сорвалась на детей, и они моментально это считывают. Мать года, блин!

– Ничего не случилось, мы просто соскучились, – обиженным ежиком фыркает Жанна. – А вот у тебя, похоже, что-то случилось. Ты чего такая сердитая?

– Куда вас с тетками занесло на этот раз? – лениво тянет Кир. – Такое ощущение, что ты не отдыхала, а пахала, как лошадь.

Я уже сняла тонкий пиджак и повесила его на плечики, поставила туфли на специальную этажерку, бросила взгляд в зеркало.

Да уж, видок так себе, сын прав. Всякий раз после общения с Яковом чувствую себя старой рваной тряпкой и выгля-

деть начинаю соответственно, а это уже паршиво. Как утверждают психологи, внутреннее состояние обязательно проявляется через тело.

– Мы ходили в ресторан «Тьма», пытались поужинать.

– Судя по выражению твоего лица, попытка провалилась, – Кир обгоняет меня и идет на кухню. – Давай я тебе равиоли приготовлю. Будешь?

– Буду.

Достаю из сумки телефон, иду в спальню и переодеваюсь.

– Мам, что, совсем не понравилось? – в комнату заглядывает Жанна, но из кухни доносится голос сына.

– Мам, ничего ей не рассказывай, мне отсюда плохо слышно.

Зато мне слышно, как тарелка стучит по столешнице, бряцает вилка. Не сказать, что я голодная, но почему-то хочется зашлифовать эмоции этого вечера спокойными посиделками с детьми.

– Кир, только давай без фанатизма, ладно? Свари десяток, мне хватит. Если составите компанию, я буду рада.

– Мне тоже десяток, – вторит Жанна.

– Ладно, сделаю, – ворчит сын. – Систер, иди сюда, помогать будешь, пока мама переодевается.

Обожаю этих двоих. Иногда они сцепляются в словесной перепалке, как кошка с собакой, но потом снова стоят горой друг за друга.

Переодеваюсь, закидываю одежду в стирку, а сама укуты-

ваюсь в пушистый голубой халат, затягиваю пояс потуже и иду на кухню.

Жанна сидит за столом, а Кир уже раскладывает по тарелкам дымящиеся равиоли. Уютный семейный вечер. Почти. Без одного.

– Вот, возьми, – дочь протягивает масленку, нервно ерзает по стулу под тяжелым взглядом брата. – Приятного аппетита.

– Спасибо. И тебе приятного, – беру вилку, накалываю равиоли и начинаю рассказ. Любопытство детей грозит перелиться через край, и я не хочу их дразнить. – Короче, идею вы поняли из названия, да? Это ресторан, где ничего не видно и меню ты тоже не знаешь. Когда бронируешь место, рассказываешь администратору о блюдах и специях, на которые у тебя есть аллергия и на этом – все.

– То есть ты попадаешь в место, которое до этого никогда не видел и ешь непонятно что? – хмурится дочь. – Звучит как-то не очень.

– Глупая ты, ничего не понимаешь, – тут же вмешивается Кирилл. – Просто поесть в любом месте можно, а тут ты платишь не за еду, а за ощущения, за эмоции и за адреналин. Так?

Жанна открывает рот, чтобы возразить брату, но смотрит на меня и молчит.

– Ты прав, Кир. Адреналин, новые ощущения. Если хотите, могу забронировать вам места. Сходите вдвоем, попробуйте поужинать вслепую.

– Ма, я парням предложу, ладно? – моментально загорается идеей сын. – Думаю, они согласятся, это же прикольно...

– Предложи, я не против.

Пока дети обсуждают идею, я снова возвращаюсь во тьму, к знакомому голосу, а затем – к Якову и к нашему разговору у подъезда.

Понимаю, что не могу простить измену. Ни ради детей, ни ради семьи, ни ради какого-то абстрактного будущего. Не могу. И это – не обида, не гордыня.

В моем мире верность – краеугольный камень, без которого семья рассыпается и уже никогда не вернется в свое нормальное состояние.

Мы неспешно ужинаем, обсуждаем завтрашнее выступление Кирилла, Жанна предвкушает встречу с Артуром и его родителями.

– Мам, они тебе понравятся, я уверена.

– Главное, чтобы Артур тебе нравился, все остальное – ерунда.

– Только у меня к тебе одна просьба, ма. Можно? – Жанна замирает над тарелкой с равиоли, сын откладывает вилку и хмурится.

– Чего еще придумала?

– Я не придумала, – шепчет дочь. – Мам, я хотела тебя попросить, чтобы ты не говорила родителям Артура, что вы с папой разводитесь. И кольцо пока не снимай, ладно?

Жанна смотрит на мою правую руку, и я автоматически

прокручиваю на пальце обручальное кольцо. Кирилл тихо хмыкает, сцепляет пальцы в замок.

– Жан, а тебе не кажется, что это глупо? Мама уже подала на развод, и даже если сейчас она ничего не скажет, позже правда все равно откроется. Зачем тебе этот спектакль?

Дочка шумно выдыхает и закатывает глаза.

– Тебе не понять, Кир. У Артура – нормальная семья, папа с мамой живут счастливо уже много лет, и тут прихожу я, привожу родителей, которые...

Я сразу считываю, куда клонит Жанна. Ей нужна красивая картинка, пусть даже она является иллюзией. Дочь боится показаться неполноценной из-за того, что папа с мамой развелись. Это все это так по-детски, но с другой стороны – понятно и объяснимо.

– ...которые все равно остаются твоими родителями, – перебивает ее Кирилл. – Жан, ты вроде как замуж собираешься, жениха себе нашла, а ведешь себя как маленькая. Кого ты хочешь обмануть? Артура и его родителей или себя?

В словах сына звенит сталь жестокой реальности. Я тоже считаю, что Жанне рано выходить замуж. Нет, она не наивная и не инфантильная, просто слишком зациклена на себе, как любой подросток, и хочет всем нравиться.

Дочь убирает руки от лица, смотрит на меня глазами котика из «Шрека», и я сдаюсь.

– Хорошо, я не буду снимать кольцо, но и врать про семью тоже не буду, договорились?

– Спасибо, мамуля! – оживляется Жанна, а сын хмурится и тихо хмыкает.

– Глупая ты, систер. Лучше сразу говорить правду, чем ждать, пока она вылезет наружу. И чаще всего это происходит в тот момент, когда ты к этому не будешь готова. Неужели развод родителей тебя ничего не научил?

Жанна бойко уплетает ravioli, моет тарелку и исчезает в своей комнате, бросив напоследок: «Спокойной ночи, спасибо за ужин». Мы с сыном остаемся одни в полной тишине.

Иногда мне кажется, что Кирилл намного старше своей сестры. Не по возрасту, а именно по видению жизни, по рассуждениям. Психологически взрослее.

– Мам, а мой настоящий отец... он ведь тебя не предавал, так?

Мы обсуждали этот вопрос тысячу раз, но события в нашей семье растревожили душу сына, и он снова возвращается к болезненной теме.

– Он уехал и обещал вернуться, а сам женился и пропал со всех радаров. Как считаешь, это можно назвать предательством?

Я доедаю, убираю со стола и складываю грязную посуду в раковину. Кир молча ковыряется вилкой в тарелке, терзая несчастный итальянский пельмень.

Подхожу к ребенку со спины, обнимаю. Чувствую напряженные мышцы, кладу руки на плечи.

– Не знаю, предательство или нет, но он ничем не лучше

Якова, — резюмирует Кир, отодвигая от себя тарелку. — Мам, почему тебе так не везет? Это что, проклятье какое-то? Сначала мой отец, потом Яков...

— Ну почему же не везет, Кир? Если бы не твой отец, у меня не было бы тебя, — дую сыну в макушку и наконец-то слышу облегченный выдох. — Мне очень везет. Яков помог воспитать тебя как настоящего мужчину, я горжусь тобой и благодарна ему. Люди приходят в нашу жизнь и уходят, просто кто-то делает эти тихо и незаметно, а кто-то при этом вонзает нож в спину. Всякое бывает. Нормально, мы справимся.

Понимаю, что этот разговор был нужен нам обоим. С души падает тяжелый камень сомнений и размышлений, Кирилл расслабляется. Все будет хорошо, я это точно знаю, я уверена.

Второй

Развод – это подъем с глубины, на которой тебе было легко и приятно находиться. Много лет ты не чувствуешь никакого дискомфорта, но все меняется, когда измена разрушает семью.

Ты не можешь стремительно всплывать с глубины, потому что тело не справляется от перепада давления. Нервные волокна сдавливаются и повреждаются, сердце начинает сбывать, сосуды сужаются. Чтобы человек выжил, и психика не превратилась в пыль, нужно контролировать каждое движение, подниматься к солнцу медленно и осторожно.

После вечернего разговора с детьми я иду в спальню и готовлюсь ко сну.

Завтра нас ждет спорткомплекс, выступление Кирилла, а еще через несколько дней – знакомство с родителями Артура, ну и работа, само собой разумеется. Это мои планы на ближайшее время.

Яков пропадает с радаров, не пишет и не звонит. Утро начинается с тишины, и я выдыхаю, скрещиваю пальцы наудачу: пусть и дальше так будет.

Однако, человек предполагает, а потом ему приходится мириться с тем, что все идет альтернативным путем, причем не самым лучшим.

Вечер.

Я стою у спортцентра, где будут проходить соревнования, жду Жанну. Дочь встречалась с подругами и сейчас возвращается из ближайшего пригорода. Смотрю на часы, нервничаю.

Мы всегда приходили на соревнования с участием Кирилла, и сейчас, когда семья разваливается, очень важно дать ребенку максимальную поддержку.

— Мама, — дочь выходит из такси, остановившегося неподалеку, и машет рукой. — Ма, я успела.

Это точно, время еще есть. Мы обнимаемся и идем в сторону двери, когда в спину прилетает знакомый голос.

— Девочки, добрый день. Я с вами.

Замираю, не верю своим ушам. Яков. Одетый в льняные брюки и рубашку с коротким рукавом, он выглядит просто замечательно. Вижу, как женщины, проходящие мимо, задерживают свой взгляд на фигуре Голубева, автоматически тянутся к волосам, стараясь понравиться, обратить на себя внимание. Да, для сорока трех лет мой бывший любимый мужчина выглядит просто отлично.

Яков тоже решил прийти, и это... это важно. Да, мы сейчас не вместе, но... черт, в носу начинает противно щипать и я отворачиваюсь, однако чувство благодарности мгновенно гаснет, когда через пару минут нас останавливает другой голос.

Ну ладно, не нас. Моего пока еще мужа.

— Яша-а...

Останавливаюсь, не верю собственным глазам. Да, это та самая блондинка, которую я видела в машине мужа. Охренеть! Вот это наглость! Одним взглядом оцениваю ее образ: голубое шифоновое платье, подчеркивающее яркую синеву глаз, босоножки на шпильке, минимум косметики на лице, серьги-капельки и тонкое колечко с лунным камнем на левой руке.

Сука!!! Ловлю себя на мысли, что любовница мужа не выглядит дешевой шлюхой и не тянет на эскортницу, и от этого боль в груди набирает обороты.

Шерсть на загривке становится дыбом, я за мгновение превращаюсь из женщины в фурию.

– Что?! Ты притащил на соревнования свою шлюху?! Ты серьезно?! Я-ша-а-а... – манерно тяну имя мужа, подражая его любовнице. – А ты не охренел часом?!

Внутри кипит столько эмоций, но я не могу дать им выход, потому что правильные мамы не ругаются матом в публичных местах, а все слова, которые готовы сорваться с языка, являются матерными, поэтому я молча прожигаю мужа взглядом и с трудом вытаскиваю из памяти несколько приличных выражений.

– Сгребай свою шалаву в объятия, и чтобы я не видела тебя на соревнованиях! Это понятно?! Я не хочу, чтобы Кирилл расстраивался и нервничал перед выступлением! Иди нахуй, Яша!

Все-таки не выдержала, сорвалась! Вижу, как Жанна

смотрит на отца с разочарованием и какой-то странной жалостью. Да, вот так разбиваются розовые очки, детка. Мне жаль.

Яков, остолбеневший от изумления при появлении Киры, берет себя в руки.

– Маш, ты серьезно? Ты думаешь, это я ее сюда пригласил? Зачем мне это нужно?! – муж пытается отвести меня в сторону и поговорить, но я вырываюсь. Нахер разговоры!

– Мне все равно, кто ее пригласил, честно, но ты не войдешь в этот зал вместе со мной и Жанной и не сядешь рядом! – меня начинает слегка потряхивать от выброса адреналина, я сильнее стискиваю ручки сумочки. – Я не знаю, во что ты вляпался, но будь добр, не тащи нас в это дерьмо, барахтайся сам.

– Маша, она сама пришла...

Я вижу, как растерян Яков, вижу в его взгляде изумление и злость, даже бешенство, но это не меняет сути проблемы. Голубев не дурак, хоть и изменник. Приглашать любовницу на соревнования сына – это дно, едва ли мой муж на это способен. Тогда что? Блондинка попутала берега и вышла из-под контроля? Да, похоже на то.

– Мне пофиг. Я знаю, как ты умеешь решать проблемы, и, судя по всему, эта дамочка для тебя проблемой не является, – бросаю взгляд на наручные часы и делаю шаг назад. – Все, нам некогда, нужно идти. Надеюсь, ты меня услышал, Яков.

Кажется, это называется «хотел как лучше, а получилось

как всегда». Я еще киплю от избытка эмоций, когда вхожу в просторный холл спорткомплекса. Чувствую, что Жанна идет рядом. Молчим. Бросаю быстрый взгляд за спину, вижу Якова, который тащит блондинку за руку в сторону от главного входа и что-то говорит. На его лице – злость, досада, раздражение. Ядреный коктейль, да. Желаю блондинке напиться им до изжоги и вхожу в холл спортцентра, ухватив дочь за руку, чтобы не потеряться в толпе.

В напряженном ожидании занимаем свои места на трибунах.

– Мам, ну как же так? – не выдерживает дочь. – Почему...?

– Потому что... – снова с трудом подбираю слова, – потому что любовница твоего отца решила, что ей все можно. Если бы эта Кира знала, что ее появление повлечет за собой тяжелые последствия, она сто раз подумала бы, но... Как видишь, этого не случилось. Дальше делай выводы сама.

Жанна сидит рядом, нервно теребя рукав блузки. Зал быстро заполняется зрителями, до начала соревнований остается всего четыре минуты. Когда на помосте появляется представитель организаторов, я отключаю звук на телефоне.

Началось. Короткая торжественная речь представителя спонсора дает старт турниру.

Я сижу на трибуне, но мысленно я с ним, со своим сыном. Кирилл, одетый в белый кевларовый костюм, стоит на своей стартовой позиции напряженный, как струна.

Его лицо закрывает маска из мелкой металлической сетки, огненная комета – эмблема команды – хорошо видна из зала. Рука в перчатке сжимает рапиру. Тонкое гибкое лезвие кажется живым продолжением его руки. Оно дышит, реагирует, живет.

Соперник моего сына – Николай Свешников – парень из другой школы. Высокий, длиннорукий, опытный, с молниеносными движениями, но Кирилл не из тех, кого пугает чужой опыт. Он – тот, кто смело принимает вызов достойного соперника. В этом сезоне жребий уже сводил их в поединке, пока счет один-один. Ничья.

Судья поднимает руку, рапиристы занимают исходную позицию. Дистанция – чуть больше вытянутой руки.

– Allez! — «начинайте», – бросает судья, и я перестаю дышать. Клинки мелькают с такой скоростью, что картинка смазывается. Рапира сына устремляется вперед, касается корпуса противника. Что не так? Был укол! Черт, нет. Свешников успевает отвести рапиру сына в сторону. Глаза не успевают фиксировать движения рапиристов, вся надежда на электронику.

Боже, дай мне сил пережить это! Каждый раз, когда на табло со стороны моего сына загорается зеленая лампочка, я перевожу дух. На трибунах почти не кричат. Это вам не футбол и не баскетбол.

В зале царит святая тишина, только шуршание костюмов, шаги на дорожке, голос судьи.

Крик – это отвлечение, а здесь каждый вдох, каждый миг важен и бесценен.

Я вижу, как женщина, сидящая рядом, судорожно сжимает программку, как незнакомый мужчина в переднем ряду наклоняется вперёд, будто хочет подтолкнуть рапириста взглядом, подсказать, поделиться опытом. Тут нет равнодушных или спокойных. Зал напряжен, как пружина, которая распрямляется, когда арбитр объявляет результат.

Как, уже? Мамочки! Мой Кир вскидывает руку в традиционном жесте победителей, благодарит соперника, судью.

– Боже, мам, – еле слышно выдыхает Жанна. – Кажется я забыла, как нужно дышать. Кирилл нас заметил, ты обратила внимание?

Конечно обратила. В минутном перерыве сын нашел нас в секторе, который мы всегда занимаем. Возможно, мне показалось, что на мгновение во взгляде Кирилла промелькнуло что-то вроде досады или разочарования. Да, мы пришли вдвоем, сегодня у него была неполная группа поддержки.

– Мы с тобой молодцы, Жанна. После соревнованийходим в ресторан и отметим победу брата, договорились?

Когда соревнования подходят к концу, наступает момент награждения. Мальчишкам с рапирами в руках – они сейчас выглядят круче любых мужчин, ей Богу! – дают время, чтобы умыться и привести себя в порядок.

Мы с Жанной обсуждаем бои, а ведущий вещает о том, что на церемонии награждения присутствует главный спон-

сор турнира. Бла-бла-бла... это я пропускаю мимо ушей, фокусируюсь на происходящем, когда команда «Кометы» занимает первую ступень пьедестала. Мы с Жанной встаем и подходим ближе, я делаю несколько кадров, а затем – еще раз, когда Кирилл встает на вторую ступень в индивидуальных соревнованиях. Не золото, серебро, но и от этого глаза моего ребенка горят счастливым блеском, и я радуюсь вместе с ним.

– Мам, нас наградили поездкой на Байкал. Прикинь, какой крутой спонсор! Отъезд через три дня! – ошарашивает нас новостями довольный сын. – И еще мне подарили новенький айфон! Он же стоит кучу денег, ма! Я так счастлив!

Жанна с радостным визгом обнимает брата. Да, где-то моя дочь – эгоистка, но кто не такой, пусть бросит в меня камень. Но она умеет любить по-настоящему, и Кир отвечает ей взаимностью.

– погоди, – Жанна отстраняется от брата и хмурится. – Ты сказал, через три дня? Но тогда ты не сможешь прийти на встречу с родителями Артура... Кир, ну как же так?

– И что? Ты же сама говорила, что это – встреча родителей. Жан, если у тебя все сложится с этим Артуром, я непременно познакомлюсь с его родаками, а пока... – глаза Кирилла горят предвкушением. – Пока я буду готовиться к поездке. Байкал – это охрененно интересно, правда, ма?

– Правда.

Мы покидаем спорткомплекс и идем отмечать успехи на-

шего любимого рапириста, еще не зная, чем аукнутся нашей семье эти соревнования.

Я слишком рано расслабилась.

Все тайное становится...

Яков

Сука! Блядь! Бесит!

Я тащу Киру за руку, не обращаю внимания на ее визги и слезы.

Заебала своими внезапными появлениями!

Сегодня я должен был сидеть рядом с женой и дочерью и следить за выступлением сына, болеть за него. Да, я помню его взгляд, но уверен, что парень порадовался бы, увидев среди зрителей всю свою семью.

Всю! И что я имею в итоге?!

Все пошло по пизде из-за этой синеглазой дуры! Красивой и ебанутой на всю голову!

Прохожие оглядываются на нас, но никто не собирается вмешиваться. Да, всем пофиг, и сейчас мне это на руку.

Подхожу к своему внедорожнику, вижу, как на лице Киры появляется улыбка. Серьезно? Сука, ты что себе придумала?! Думаешь, мы вместе прокатимся и... Ага, щас!

– Яша...

Она не успевает договорить, как я отпускаю ее руку и... хватаю за горло, прижимаю спиной к машине. В синих глазах – паника, шок.

– Ты что, Яша...? Х-х-хоче-ш-шь...

Кира хрипит, полосует ногтями мое запястье, пытается

вырваться, но я держу. Не сдохнет, нет, но испугается – точно, а мне для разговора именно это и нужно. Приступаю.

– Откуда ты узнала, где я? – с трудом сдерживаюсь, чтобы не сломать хрупкую шейку. Сука! Еще недавно эта женщина вызывала во мне желание защищать и любить, а сейчас – придавить так, чтобы пискнуть не могла, наказать, создать большую проблему. Такую, чтобы она обо мне думать забыла. – Говори, сука, пока я не...

Она закатывает глаза, а я на всякий случай слегка ослабляю хватку.

– Я сниму побои, напишу заявление, – хрипит, пытается огрызаться, хотя понимает, что полностью находится в моей власти. Вот же тварь упертая!

– Пиши. В ответ я скажу, что ты любишь жесткий секс и не было никаких побоев. Будешь упираться – принесу видео из гостиницы, на котором прекрасно видно, что ты добровольно идешь со мной, а через пару часов улыбаешься и чирикаешь, когда выходишь и совсем не похожа на жертву.

Мне нужны ответы! Блядь! Кира опускает руки, перестает вырываться. Думает, я расслаблюсь и отпущу? Ни хера подобного!

– Я жду, говори!

– А если не скажу? – эта тварь даже улыбаться умудряется, и это бьет меня под дых. Кто кого держит за горло на самом деле?

– А если не скажешь, я все равно получу ответы, но они

очень дорого тебе обойдутся.

– Например?

– Например твой судья узнает о своей помощнице кое-что интересное. Как думаешь, как быстро ты вылетишь со своей должности?

Паника в синих глазах намекает на то, что я взял правильный курс, и я давлю дальше.

– Говори, Кира, пока я еще могу себя контролировать...

– С-с-с... – она сипит, и я жду, когда с красивых пухлых губ сорвется матерное слово, но слышу иное. – С-с-секретарша твоя... – от неожиданности убираю руку с ее горла и Кира падает на колени, начинает кашлять, глядя на меня снизу вверх с ненавистью и презрением. – Валька – моя давняя подруга.

– Откуда она могла узнать, что сегодня вечером я буду здесь?

Паззл складывается в цельную картину, но нюансы еще остаются.

– Она слышала, как ты бронировал билет по телефону.

Ну теперь точно все.

Вопросы сняты.

Я и правда заказывал билет по телефону, потому что сайт спорткомплекса лежал мертвым с самого утра. Вспоминаю, как звонил в обед, стоя в дверях кабинета: перед этим собирався нагрянуть с внезапной проверкой в один из своих центров, а Светлана сидела за рабочим столом и активно шел-

кала мышкой.

Она всегда знает мой распорядок заранее и сливала его подруге, вот откуда у Киры информация о моих перемещениях. Интересно, а управляющим сервисов она тоже стучала о визите босса? Хм... вот это я влип!

Никакой прослушки и жучков, все примитивно: просто баба с языком-помелом. Сука! Уволю без выходного пособия и с черной меткой!

Я делаю шаг назад и ухожу... Не могу смотреть на Киру. Женщина, которая казалась легким ярким увлечением без последствий, принесла в мою жизнь хаос и разруху. Сам виноват, знаю, но... бя-я-ядь! Блядь уже встала с колен и уходит, прикрывая рукой истерзанное горло. Я и правда не боюсь, что она может заявить в полицию. Похуй, пляшем.

Этот вечер я сливаю всухую. Единственное, что остается – подключиться к онлайн трансляции и смотреть за выступлением Кирилла, сидя в машине. Хороший у меня вырос парень, настоящий.

И пусть Маша не сказала, кто его биологический отец, но воспитывал парня я. Горжусь? Да, безо всяких оговорок и лишней скромности.

Слежу за тем, как Кир побеждает своего соперника и берет серебро, как его команда поднимается на высшую ступень пьедестала и чувствую, как по внутренностям концентрированной кислотой разливается осознание: меня вынесли за скобки и уже никогда не впустят в круг, в семью. Все,

что остается – наблюдать со стороны.

Жанна выйдет замуж, Кир женится. Пригласят ли меня на свадьбу? А когда родятся внуки, я стану приходящим дедом с предварительной записью на встречи? Что будет с Машей? Такая красавица не будет долго томиться в одиночестве, но меня выворачивает мехом вовнутрь от мысли, что к моей же не прикоснутся чужие руки, что какой-то левый мужик будет целовать эту нежную отзывчивую женщину, наслаждаться ее стонами...

Фантазия разгоняется, память подкидывает сценки из наших жарких ночей. Чего мне не хватало? Уебок, одно слово!

На какое-то время выпадаю из реальности, возвращаюсь, когда прямая трансляция уже завершена. Награды нашли своих героев, и только я обрел головную боль и мысль, что сегодня пропасть между мной и семьей стала еще глубже, еще шире.

Первое, что я делаю утром следующего дня, добравшись до офиса, это вижу Валентину. Счастливая, сияющая, она стоит у кофемашины. Смотрю на нее и понимаю, что Кира даже не потрудилась предупредить ту, которую подставила. Ту, которая сейчас пострадает по собственной глупости и безалаберности. А может и правильно сделала, кто знает. Каждому будет отмеряно по делам его.

– Яков Михайлович, добрый день. Сделать вам кофе?

– Ни хуя не добрый, Валя, – я прохожу мимо секретаря, вижу, как она вздрагивает от моих слов. Ничего, я вчера

вздрагнул сильнее. – Зайди.

– Но... – она бросает взгляд на кофемашину, на темные капли ароматного напитка, которые уже наполовину заполнили чашку.

– Я сказал – зашла быстро!

Повышаю голос, не хочу, чтобы случайный посетитель стал свидетелем нашего разговора. Иду к своему столу, на ходу ослабляю узел галстука. Душит, сука, хуже удавки!

За спиной раздается стук каблуков, тихий хлопок двери.

– Яков Михайлович, я сделала что-то не так? Где-то ошиблась?

Я всю ночь не спал, все крутил в голове ситуацию, думал, когда все вылетело из-под контроля, и сейчас я борюсь с желанием отвернуть этой дуре голову. А зачем она ей? Чтобы кофе в ее заливать?

– Ошиблась, Валь, ты охренеть как ошиблась, когда решила поделиться со своей подругой тем, что ее не касается...

При виде побледневшей секретарши убеждаюсь, что Кира не солгала.

– Яков Михайлович, – Валентина словно налетает на стеклянную стену, пошатывается и хватается за стол, по ее лицу и шее расплзаются уродливые красные пятна. – Я не...

– Меня не интересуют подробности. Иди, собирай свои вещи и зайди в бухгалтерию за трудовой книжкой и расчетом. Чтобы через полчаса тебя тут не было. Ты поняла?

Я смотрю на тихую истерику женщины, рядом с которой

проработал почти пять лет и задаюсь простым вопросом: чего дуре не хватало?

– Яков Михайлович...

– У меня все. Не умеешь держать язык за зубами, значит сгребашь манатки и валишь в ебень. И еще, Валь... – она смотрит на меня, как на палача, но в груди ничего не екает, не отзывается. Эта дура сливала мои планы своей подруге, а я солью ее. Справедливо? Хуй знает, мне похер. – Надеюсь, ты понимаешь, что уходишь без рекомендаций и в случае звонка твой новый работодатель узнает истинную причину увольнения.

– Пожалуйста...

Она едва тихо шепчет, но я поворачиваюсь спиной к своему сотруднику. Не жаль.

– Все, на выход. У меня нет ни времени, ни желания видеть твои слезы и выслушивать оправдания.

Растираю грудь, но тянущая боль никуда не уходит. При глубоком вдохе резкий спазм простреливает насквозь, складывает пополам. Хотел острых впечатлений! Получи и распишись! Су-ка!!!

После вчерашнего фиаско не могу показаться на глаза своей семье, но, как идиот, приезжаю к дому и смотрю на окна, в которых горит свет. В моей душе темно, как в аду, и пусто, как в космосе.

Слабая надежда взять реванш на встрече с родителями Артура держит на плаву, но я все больше похожу на «Ти-

таник», столкнувшийся с айсбергом: нос уже погрузился в воду, мощные вины беспомощно рубят воздух. До полного пиздеца осталось совсем недолго.

В час икс собираюсь, как на плаху. Ухожу с работы заранее, принимаю душ и бреюсь второй раз за день, достаю из шкафа лучший костюм и новую рубашку. В зеркале вижу уставшего мужика с пустым взглядом и сединой на висках, которая за несколько дней стала намного ярче. Красавчик, че уж.

Пять минут кручу в руках галстук, в сомнении убираю его и снова достаю. Нужен ил нет? Замечаю, как мелко подрагивают пальцы, чувствую, как окаменели от напряжения плечи. Возвращаюсь с лестничной клетки, когда понимаю, что забыл про туалетную воду. Dior Homme. Ее купила Маша, моя Машка-мышка. Делаю пару пшиков, словно я – студент и это – мой счастливый пятак, который нужно взять с собой наудачу.

Ресторан «Девятое небо» – популярный, но не слишком пафосный. Я паркуюсь и осматриваюсь: машины жены нет. Знаю, что она могла приехать на такси. Маша часто так делает, когда предстоит тяжелый напряженный разговор. До назначенного времени остается всего десять минут, и я поднимаюсь по ступеням. Звонит и уточнять у жены, где она, бесполезно: я давно в черном списке, и боюсь, что уже навсегда.

– Папа!

Голос Жанны я узнаю из тысячи, из миллионов. Дочь си-

дит за большим овальным столом, стоящим у окна. Рядом – парень, очевидно, Артур, и незнакомая женщина.

– Пап, ты садись, чего стоишь? – суетится дочка. – Мама написала, что она уже подъезжает, папа Артура – тоже. Кстати, – Жанна нервно дергается, но берет себя в руки и успокаивается. – Пап, познакомься, это Артур, а это – его мама, Эльза Норман.

– Очень приятно, – киваю женщине, пожимаю руку, протянутую парнем. – Яков Михайлович Голубев.

– Яков... – глаза Эльзы становятся огромными, голос срывается на шепот. – Яков Голубев...

Мозг медленно обрабатывает информацию. Эльза – редкое имя. Эльза...

– Не может быть, – срывается с губ, а Жанна переводит изумленный и напуганный взгляд с меня на свою потенциальную свекровь. – Эльза...

Тыц! Тыц! Тыгдым! Привет, всадники Апокалипсиса!

Эхо любви

Яков

– Пап, вы что, знакомы?

– Да... – я отодвигаю стул и занимаю место напротив Эльзы. – Знакомы.

Смотрю на Артура, сына Эльзы. Красивый парень, видный, интересный. Не удивлен, что Жанна на него запала.

Теряюсь в моменте, не знаю, что говорить: присутствие детей и их внимательные взгляды вяжут по рукам и ногам, сбивают с мысли. Память уносит меня в события давнего прошлого.

Эльза Норман...

Мне было семнадцать, когда я увидел ее в первый раз, мы были ровесниками. Девушка с волосами, отливающими серебром, яркими серыми глазами и странной фамилией. Она пришла к нам новенькой в десятый класс и поставила на уши парней и девчонок.

Первые сразу начали охоту за Эльзой, но каждый получал от ворот поворот. Вzbешенные отказами, приятели называли девушку мороженой рыбой, снежной королевой. Последнее прозвище прочно закрепилось за новенькой и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.